

Александр ПРОЗОРОВ

Новый цикл от создателя «Ведуна»!

Ариэц

Хозяйка Валгаллы

Ариец

Александр Прозоров

Хозяйка Валгаллы

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прозоров А. Д.

Хозяйка Валгаллы / А. Д. Прозоров — «Эксмо»,
2017 — (Ариец)

ISBN 978-5-699-94103-2

Молодая гадалка Валентина оказалась в числе пяти молодых людей, опознанных заклинанием Волоса как прямые потомки Сварога и унесенные кречетом из нашего времени в прошлое ради спасения славянского народа. Только здесь девушка узнала, что ее колдовские способности не так просты. А также то, что в прошлом ведьмы, разговаривающие с мертвыми, никому не нужны. Поэтому перед девушкой встал очень простой выбор. Либо – остаться любовницей при талантливом приятеле, либо – поставить на карту жизнь и судьбу, доказав, что именно она и есть самая великая из славянских Богинь...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94103-2

© Прозоров А. Д., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Сорная Богиня	18
Неокученная спиритка	18
Мир заколдованного кречета	32
Пустышка	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Прозоров

Хозяйка Валгаллы

© Прозоров А. Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Тучи ненадолго разошлись, и упавший между ними свет полной луны выхватил скользящее сквозь воздух легкое марево. Причем случилось это в тот самый миг, когда движение прервалось и ночную тишину разорвала злая женская ругань:

– Вот ведь блядуги чертовы! И тут нагадили!

Услышав из мрака столь громкую человеческую речь, вздрогнул караульный, сучавший на стене спящей крепости. Крепко сжал большими мозолистыми ладонями ратовище копьяд острым кремниевым наконечником, передернул плечами, укрытыми вытертым плащом из волчьей шкуры, прищурился, пытаясь разглядеть хоть что-то за пределами стен. Однако тучи на небе вновь сошлись, скрывая луну, а света костра, горевшего на толстой глиняной площадке, хватало только-только, чтобы различить траву под стенами. И даже охалка хвороста, брошенного в пламя, особо сторожу не помогла. Света стало заметно больше – однако же различить, кто там бродит в ночи, откуда взялся и почему ругается, смертный все равно не смог.

Город, удобно раскинувшийся в просторном изгибе полноводной реки, ограждали прочные, высокие и широкие бревенчатые стены со многими продухами, в которых ало подмигивали отблески горящих внутри жарких очагов. Сонно похрапывающие в загонах лоси, длинные веревки с сохнувшей на ветру рыбой, запах сена и заквашенных шкур безошибочно выдавали в селении на берегу Эльстеры славянскую твердыню. В этом мире только славяне держали лосей в качестве домашнего скота, полагались на рыбалку больше, нежели на охоту или огороды, и жили в огромных бревенчатых домах, возле общего для целого рода очага.

А еще славяне имели привычку опаживать свои селения заговоренной бороздой, защищающей жилище от колдовства, болезней, сглазов и всякого прочего зла. Именно возле такой борозды и ругалась сейчас Валентина, каковую магическая защитная черта уже не в первый раз принимала за «всякое зло» и через себя не пропускала. Упруго отшвыривала назад раз за разом, словно поставленная вертикально.

Подобную черту во многих городах проводили боги-правители, в иных местах – главы родов, но чаще всего – местные ведьмы, причем подобным чародейством занимались исключительно в голом виде. Так что выражение «чертовы блядуги» имело в устах богини смерти не общеругательный смысл, а вполне конкретно адресный.

Впрочем, сильно девушка не расстроилась. Она распрямилась, сладко потянулась, раскинув руки, встряхнулась, повела носом. Качнулась вперед, наложив ладони на невидимую стену, потом зловеще усмехнулась, укоризненно поцокала языком и двинулась вдоль преграды.

За минувшие два года Валентина изменилась до неузнаваемости. Ее стройные ноги плотно облегли длинные сапоги из тонкой и мягкой коричневой замши. Такие здесь никто не носил – девушке было наплевать. Сапоги уходили под беличьи шортики, сшитые коротко стриженным мехом внутрь. Такие здесь никто не носил – Валентине было плевать. Выше на ней красовалась соболья жилетка, поверх которой надето платье из горностая, достигающее едва до середины бедер. Их тоже здесь никто не носил – но девушке и на это было плевать. Она являлась богиней смерти! И могла себе позволить пугающее простых людишек ожерелье из золотых черепов вокруг шеи и золотой шишак с песчовой оторочкой, наплечные карманы и широкий пояс с ножами из обсидиана, серебра и железа, могла позволить себе серьги в ноздре, черные обводки глаз и короткую мужскую прическу. Ныне ей дозволялось все! Ибо власть Валькирии недосыгаема и непостижима для простых смертных...

Полста шагов – и заговоренная борозда ушла в песок у реки.

Валентина вздохнула, присела на корточки, макнула ладони в воду, ополоснула лицо, затем запустила пальцы в карман на левом плече, достала амулетик в виде свернувшейся в спираль змеи, трижды опустила его в реку и тихо позвала:

– Приди ко мне, всемогущая Фригг! Явись, я призываю тебя!

Послышалось шипение, словно на влажный песок выкатился раскаленный уголек, глянцевая поверхность реки разорвалась, и из нее поднялась крепкая, ширококостная, полностью обнаженная женщина. Монументальные бедра, развернутые плечи, внушительная грудь и простецкое лицо с крупными чертами, более подходящее борцу-тяжеловесу, нежели даме с длинными светло-русыми волосами.

– Звала, Валькирия? – Женщина с силой провела ладонями по голове, и черные струйки звонко потекли с мокрых волос на землю.

– Смертные опять провели борозду... – пожала плечами Валентина.

Фригг опустила взгляд, склонила голову чуть набок. Присела на корточки и провела пальцем линию от прибрежной черты до окончания вывернутой сохой канавки. Вода всплеснулась и бодро устремилась в указанном направлении, наполняя борозду и перетекая по ней по перешейку к противоположной стороне речной петли.

– Вот и все... – слабо улыbnулась Валентина. Она отлично знала, что текущая вода смывает любую, даже самую сильную магию.

В искусстве чародейства богиня смерти, увы, не годилась Фригг даже в подметки. Как, впрочем, и никто в этом огромном мире. Если бы русалки захотели, то при своих талантах и знаниях они, наверное, уже давно правили бы всей вселенной. Но... Но самой страшной, могущественно непобедимой силой на свете является лень. Когда-то давным-давно, когда человеческих рас еще не было даже в задумках, могучие первородные народы, стремясь к совершенству и гармонии, бережно относясь к природе, сохраняя ее, – предпочли изменить себя, вместо того чтобы менять мир вокруг. Теперь все эти лешие, моховики, водяные, шишиги, русалки, травники и берегини не знали ни голода, ни холода, не нуждались ни в одежде, ни в жилье, ни в припасах, а бессмертие позволяло им с чистой совестью откладывать на потом любые планы и желания: на завтра, на послезавтра, на весну, на следующий год...

Веком раньше, веком позже – какая, собственно, разница перед лицом вечности?

Русалок от прочей первородной нежити отличала способность резко взбадриваться во имя любви: активно колдовать и даже ввязываться в обычную, человеческую жизнь: выходить замуж, вести хозяйство...

Правда, Валентина сильно сомневалась, что ту беспорядочную похоть, с которой речные женщины накидывались на оказавшихся у воды мужчин, позволительно называть любовью – но факт есть факт. Мужские ласки сводили русалок с ума. А дальше – как повезет. Либо хозяйки воды утаскивали мужика к себе на дно, баловаться до скончания веков – либо тот, утешив страдалиц, вовремя уносил ноги куда подальше. Однако порою мужчина, коли силы и воли хватало, не уходил к русалкам на дно, а забирал одну из первородных себе в жены.

У великого Одина силы и воли имелось в достатке, и потому Фригг стала его верной и послушной супругой. Прощающей измены, исполняющей любые прихоти, дарующей ласки и сторожащей от опасностей, видящей будущее и повелевающей водами.

Одним словом – русалка...

Валентина решила, что ждала уже достаточно, провела ладонями вдоль пояса и сделала шаг вперед через весело журчащий ручеек.

Она оказалась права – стена уже исчезла.

Богиня смерти зашагала по хрусткому жнивью, мысленно вытягивая вперед, на многие десятки шагов, свои руки, хватая ими искорки прячущихся за стенами живых душ, пытаясь поднять их вверх, отрывая от плоти. И тотчас ощутила резкую боль в ладонях.

Это отозвались амулеты... Чертовы амулеты, которые в здешнем суеверном мире носили все, кому не лень! Которыми защищали дома и оружие, которые вешали на скот и двери. Обереги и талисманы, отбивающие порчу и заклинания подобно тому, как меховые одежды отбивают ледяной ветер и снежную крупку, защищают от непогоды и хлестких веток. Магические

руны, наговоренные кости и травы, ладанки и поклады убивали враждебное колдовство, развевали мороки, не позволяли дурному слову и взгляду причинить вред своим владельцам.

В этом мире хоть богам, хоть ведьмам приходилось изрядно помучиться, дабы подчинить смертного своей воле – но способы имелись. Самый несложный – это просто наводить и наводить порчу раз за разом, пока амулет намеченной жертвы выдохнется и потеряет силу. Способ долгий и утомительный. Однако Валентина была богиней! И даже все амулеты города не могли бесконечно противостоять ее порче. А кроме того – Валькирии помогала первородная Фригг.

Валентина подошла к стенам так близко, что сопротивление амулетов внутри селения стало причинять ей почти физическую боль, остановилась, откинув голову и негромко приговаривая:

– Ну давай-давай, еще чуть-чуть, еще немножечко...

Справа от нее встала Фригг, в точности повторив позу богини смерти, и тоже забормотала заклинания, высасывающие силу защитных оберегов.

Совсем близкое бормотание заставило ночного стражника снова забеспокоиться. Он проверил рукой, на месте ли палица, что висела в петле на поясе, потом вскинул копьё, опустил острием вперед, прошел по стене от края и до края, вернулся к костру, решительно швырнул в очаг еще охапку хвороста пополам с камышовыми кисточками. Пламя зарычало, жадно охватывая столь сытную пищу, быстро выросло в рост человека, заливая все вокруг желто-красным светом – и воин внезапно увидел неподалеку от стены двух женщин, молящихся с раскинутыми в стороны руками. Стройную девушку в золотой короне, в коротком меховом платье и высоких сапогах, и могучую женщину, стоящую вовсе без одежды.

Ревело пламя, плясали на поле кровавые отблески, напозлали на город неведомые заклинания двух ведьм – а караульный мялся, совершенно не представляя, как поступить в столь странных обстоятельствах? Бить в набат, поднимать тревогу, будить город? Но ведь явной опасности селению нет! Свистеть, звать великого Талоса? Но не прогневается ли могучий бог, что его разбудили без особой надобности? Сбежать к старосте? Однако оставлять свой пост тоже вроде бы нельзя...

– Эй, вы кто?! – подойдя к краю стены, крикнул вниз воин. – Что тут делаете?!

Ведьмы не обратили на вопрос никакого внимания.

Стражник взвесил в руке копьё, прищурился, замахнулся... Но бросить не решился, закричал снова:

– Кто вы такие, порождения мрака, и что делаете возле города великой Геры, посреди ее священной дубравы?! Отвечайте, коли не хотите смерти! Отвечайте, или вас покарает великий непобедимый Талос!

Ночные гости вдруг замолчали и опустили руки. Подняли головы, одновременно ему улыбнулись и... исчезли, словно и не было их!

– Чур меня... – попятился воин и торопливо нащупал на груди ладанку с заговоренными зубами трех жертвенных буйволов. – Чур!

Он перевел дух, еще раз выглянул наружу и с надеждой пробормотал:

– Нешто померещилось?

То, что проблема рассосалась сама собой, быстро и просто, воина искренне обрадовало. И потому, когда на рассвете пришла смена, караульный даже не упомянул о странном ночном видении. Стражник не догадывался, что ведьмы отнюдь никуда не пропали. Что они стояли здесь, рядом, хищно оценивая будущую добычу. Просто у смертного выдохся оберег – и больше не мог защищать его от наведенного русалкой морока.

Солнце едва поднялось над кронами далекого леса – ворота города уже распахнулись, и трудолюбивые жители устремились наружу. Мужчины с топорами на плечах выводили нагруженных пустыми волокушами лосей, явно направляясь за каким-то грузом, веселые пастушки

побежали к дальним выпасам, чтобы сменить товарищей возле обильных стад и отар; отправились к лесу пахнувшие цветочным медом бортники, зашагали в сторону грядок женщины.

Невидимая для них Валентина посторонилась, выпуская смертных на работы, затем осторожно скользнула в ворота, с интересом осматриваясь.

Все славянские селения выглядели примерно одинаково: это были большие бревенчатые дома, поделенные внутренними стенами на отдельные секции. В маленьких деревнях с десятью-двадцатью жителями такие дома имели размер шагов этак тридцать на десять, и в них, вокруг жаркого общего очага, ночевала одна или две семьи. В селениях на полсотни человек очагов было уже два, и дома рубились столь длинными, что ими можно было отрезать для хозяйственных нужд целый мыс, выдающийся в озеро или образованный слиянием рек. Больше жителей – длиннее дома. Город с населением в сотни жителей мог огородиться домами-стенами уже со всех сторон, а число обитаемых секций в нем доходило до десятка. Когда счет жителям шел уже на тысячи – дома-стены выстраивались кольцами, одно внутри другого, а хозяин твердыни зачастую жил отдельно от смертных, в своем собственном доме в самом центре города.

В центре сего городка стоял огромный, в рост человека, обелиск из белого мрамора. Судя по острым, еще не истершимся и не обветренным граням – камень совсем недавно откололся от массива и был доставлен сюда специально, с немалыми усилиями.

– Святилище... – догадалась Валентина, вспомнив про обычаи здешних славян поклоняться божественным камням. – Город-храм одного бога. Интересно, какого?

Она делано зевнула и двинулась вдоль стен, заглядывая в двери – тяжелые тесовые укладовых и амбаров и легкие жердяные, но обтянутые шкурами в жилых комнатах.

Местные славяне устроились достаточно комфортно: полы в их домах покрывал толстый слой лапника и травы, поверх которых были настелены в два-три слоя звериные шкуры. Кабаны, олени, лосиные с жесткой шерстью – вниз; волчьи, медвежьи, овечьи – сверху, мехом наружу.

Валентина представила себе, как в теплом свете костра утопает обнаженным телом в мягкой овчине, невольно поежилась – и заскользила дальше, сторонясь озабоченных баб, таскающих корзины со свежей, еще шевелящей жабрами рыбой, и молодых девочек, плетущих нити из длинных крапивных жил. В нескольких местах под стенами мальчишки молотили палками солому с непонятными для богини смерти целями.

– Талос, Талос! – В ворота вбежали молодые рыбаки, лохматые и заляпанные чешуей. – Великий Талос, мы видели секача на Кривой отмели!

Почти сразу распахнулась дверь за обелиском, на двор вышел красавчик-бог: могучий, рыжеволосый, в доспехе из начищенных до золотого блеска бронзовых пластин, с бронзовыми наручами и поножами, с короткими сулицами в обеих руках. Единственной странностью в нем оказался цвет кожи. Хозяин селения уродился красным. То есть цветом лица и рук он мало отличался от доспехов на своем теле. Создавалось впечатление, что он весь, целиком, был изготовлен из единого медного слитка.

– Секач! Где секач?! – громогласно спросил он.

– Лодка ждет, великий, – склонили головы запыхавшиеся рыбаки.

– Ведите!

Мужчины быстрым шагом покинули город, а невидимая смертным богиня смерти, обогнув священный камень, осторожно потянула на себя створку двери, дабы резкое движение не привлекло постороннего внимания, и скользнула в появившуюся щель.

Разумеется, обитель бога выглядела куда богаче, нежели жилища смертных. Пол здесь был не земляной, а из полутеса. Стены закрывала кошма, поверх которой сверкали развешанные тут и там топоры, копья, палицы, щиты и прочие мужские игрушки. Разумеется, в нескольких местах болтались и амулеты, дарящие хозяину иллюзию защищенности. В одном

из углов возвышалось застеленное овчиной ложе, возле которого на округлом глиняном возвышении лежала груда углей, наглядно обозначая очаг. Волоконных окон Валентина не заметила. Возможно, их закрывала кошма. За очагом возвышался высокий черный овал – огромное обсидиановое зеркало.

– Вот и ты, – злобно оскалилась богиня смерти. – Попалось!

Гостья, тихо напевая, прошла пару раз вокруг очага, потрогала ложе ладонью и, убедившись, что оно мягкое, рухнула на овчину, раскинув руки. Закрыла глаза, сладко потянулась:

– Умеют же некоторые устроиться...

Валентина сладко зевнула, прикрыла глаза, плавно утопая в полудреме, однако шум во дворе заставил ее вздрогнуть, поднять веки.

– Какой огромный! Какие клыки! – сливались в единый подобострастный гул восхищенные голоса снаружи.

– Похоже, медный мальчик все же грохнул несчастного поросенка, – поморщилась богиня смерти. – Город предвкушает сытный ужин с пивом и песнями. Где же там Вик до сих пор шляется? Я начинаю скучать.

И в тот же миг над городом наконец-то раскатился тревожный гул набата. Это караульный на стене заметил на севере пять парусов – пять ладей, бодро плывущих по широкой реке против течения, уверенно огибая отмели и мысы.

Жители города на Эльстере никогда не знали настоящих войн. Однако до них много раз доходили слухи о ссорах между богами, порою превращавшихся во взаимные набеги, они помнили о нищих и вечно голодных лесовиках, всегда готовых угнать у речных обитателей их стада, не жалея при этом жизни пастухов, а при случае – увести с собой и славянских девушек. Улыбчивые и бесконечно дружелюбные на словах варяги азартно ловили зазевавшихся людей, чтобы продать в рабство скифам, – только отвернись.

В общем – рисковать не стоило, и потому при появлении чужаков все славяне, находившиеся рядом с городом, спешно прятались под защиту высоких стен, а те, что были далеко, – при звуках набата уходили с открытых мест в тайные схроны, пастухи же угоняли стада на дальние выпасы, а то и вовсе в чащу, где добычу не смогли бы найти даже пришлые лесовики.

Своих-то, местных, славяне зашугали так, что те уж многие поколения обижать соседей не рисковали.

Когда опасность минует – протяжное пение турьего рога о том сообщит без промедления. А коли пение окажется прерывистым, переливчатым – тогда лучше ноги в руки брать да и домой спешно возвращаться. На торг, а то и на шумный пир с заезжими гостями.

К тому мигу, когда пузатые, черные от дегтя корабли приткнулись носами к просторному лугу перед крепостью – на поле, на грядках перед стенами было уже пусто. Славяне толпились на стене, наблюдая, как незнакомцы, выпрыгивая на мелководье через борта, выволакивают ладьи дальше на берег, как сбрасывают товарищам круглые щиты, как расходятся по жнивью, разминаясь после долгого сидения на лавках. Лохматые бородачи в толстых куртках, а многие – и в кожаных кирасах, в просторных меховых штанах и сапогах из толстой кожи, с палицами и топорами на поясах, копьями в руках, не расстающиеся со щитами, – пришельцы ничуть не напоминали ни торговцев-варягов, одетых в сшитые как единое целое кожаные робы и никогда не показывающих оружия; ни лесовиков, всегда бритых наголо и носящих легкие метательные охотничьи копья, такие же легкие топоры, а боевым палицам предпочитающие острые и широкие кремневые ножи.

От толпы пришельцев отделился могучий, но еще совершенно безбородый черноволосый воин с густыми темными бровями, одетый в кирасу с двумя золочеными треугольниками на груди и носящий на поясе вместо палицы железный молот. Подойдя к стене города на сотню шагов, он провозгласил:

– Слушайте меня, славяне, и не говорите, что вы не слышали! Я Один, бог войны! Плыву из земель египетских в Валгаллу, дабы отдохнуть и повеселиться в потехах ратных, удаль молодецкую показать, на чужую посмотреть, к новым походам подготовиться! И раз уж я здесь, предлагаю вам, горожане, выйти в поле чистое да сразиться с дружиной моей в честной битве. Себя в деле истинном мужском показать, славу ратную добыть, душу в схватке вольготной отвести, встряхнуться в потехе кровавой! Проверим в деле, славяне, чьи копья в сече длиннее окажутся, а чьи палицы прочнее? И пусть победитель пожмет руку побежденному и угостит его вином и мясом на дружеской пирушке! А кто не навеселится, тот вместе со мною сможет дальше поплыть, за приключениями невиданными, за славой звонкой и гулянием без конца и края!

– Ишь ты, нашел дураков, с богом войны в поле драться! – громко хмыкнул один из пожилых воинов, и по рядам горожан прокатился одобрителный гул.

– Я Талос, бог-хранитель покоя святилища! – вскинул руку краснокожий мужчина в бронзовом чешуйчатом доспехе и покачал головой: – И я вынужден отклонить твое приглашение, брат мой Один!

– Воля ваша, славяне, – развел руками гость с севера. – Неволить не стану. Коли так, то дайте нам вина, мяса и рыбы для обеда, девок для развлечения, припасов в дорогу, и завтра мы мирно отплывем дальше в священную землю!

– Приди и возьми! – возмущенно предложил все тот же пожилой воин.

– Ответ неверный, – рывком поднялась с постели Валентина. – И почему они никогда не соглашаются?

– Именно это я и собираюсь сделать, – согласно кивнул Один.

– Как ты смеешь угрожать нам, бесчестный брат?! – возмущенно выкрикнул краснокожий бог. – Ты явился сюда, в потаенную священную дубраву всемогущей Геры, пришел в ее город, к ее святилищу и смеешь говорить о грабеже и насилии?!

– Если это город Геры, то призови ее, Талос, – вскинул руки черноволосый. – Повеселимся вместе!

– Ты хочешь познать гнев великой матери, сестры самого Сварога?! Она испепелит тебя одним словом!

– Словом так словом, – рассмеялся гость. – Что может быть приятнее теплой беседы с разумной женщиной?

Тем временем в покоях хранителя священного города великой Геры вполне обычная и приземленная богиня смерти, прислушиваясь к перебранке снаружи, остановилась перед глянцевым обсидиановым овалом, высыпала на кусочек замши горсть песка и с силой провела по всей поверхности зеркала. Оно тут же покрылось плотной полосой белесых царапин. Валентина быстрыми, широкими движениями прошла по всей полировке – и прозрачная черная бездна превратилась в матовую изморозь, словно морозцем прихватившую главное сокровище здешнего властелина.

Именно зеркала с древних времен были главной силой славянских богов, их вратами во все уголки мира. Сварожичи умели ходить сквозь зеркала, как смертные – через двери, мгновенно переносясь туда, куда пожелают. При условии, что там будет другое зеркало или хотя бы водная гладь. Только благодаря зеркалам боги славян могли быстро оказать помощь друг другу или скрыться в случае опасности.

И вот теперь эта волшебная калитка из города Геры наружу оказалась надежно заперта.

Разумеется, имелся шанс, что подмога появится из реки, но... Но лень, лень. Боги не любили перемещаться туда, откуда невозможно вернуться. Перспектива пешего перехода длинной в половину месяца не воодушевляла повелителей мира на подвиги в чужих краях ради дальних родичей.

– Вот и все... – Гостья разжала пальцы, просыпая песок и роняя на пол истрепанный лоскут, замурлыкала под нос веселую мелодию и вышла из комнаты.

Теперь самое интересное ожидалось снаружи – на крепостной стене. И потому богиня смерти поднялась туда, притулившись на самом краешке, в стороне от гомонящей толпы.

– Убейте его! – махнул рукой Талос, разозленный хамством чужака.

Несколько мужчин с готовностью подняли луки, засыпали бога войны длинными стрелами с острыми, как шип акации, кремниевыми наконечниками. Однако Викентий оказался к этому готов и просто резко повернулся, поддернул выше висящий за спиной щит. Послышался дробный стук, деревянный диск словно вздыбил шерсть, покрывшись добрым десятком оперенных «щетин». Бог войны вскинул руки с растопыренными в жесте «виктория» пальцами и с намеренной неспешностью зашагал к своим товарищам.

Все то время, пока Викентий азартно лалялся с богом Талосом и горожанами, его дружина, отступив к лесу, споро рубила драгоценными, неубиваемыми никакой работой, гранитными и нефритовыми топорами молодые деревца, вязала из них широкую, почти в пятнадцать шагов, и почти тридцатиметровую в длину лестницу.

Богиня смерти сделала глубокий вдох, выдох, приподняла руки, пошевелив пальцами, – и число работников в лесу тут же заметно прибавилось.

Каменные топоры, в отличие от железных или медных, не мялись, не тупились, не требовали правки – и потому уже часа через полтора работа была сделана. Полсотни воинов, хорошенько поднатужившись, подняли сооружение, каркас которого составляли стволы толщиной в две ладони, а ступени – жердины в руку толщиной, поволокли к своему предводителю. Самой тяжелой была средняя лестница. Две других, справа и слева от основной, воины несли без особого напряжения.

– Смотрите, чтобы пупок не развязался, воители! – насмешливо крикнул медный бог, и горожане с готовностью расхохотались.

– Как скажешь... – Бог войны достал свой тяжелый молоток из поясной петли, с показной, намеренной легкостью взмахнул... Оружие выскользнуло из его пальцев, стремительно мелькнуло в воздухе и ударило Талоса точно в грудь, сбив со стены и отшвырнув под дальнюю стену крепости. Расхохотавшийся Викентий вскинул ладонь, поймал в нее вернувшийся боевой молот, уронил обратно в поясную петлю, поднял штурмовой помост и побежал с ним вперед.

Груз, неподъемный для полусотни смертных, – для великого Одина, могучего, непобедимого бога, был всего лишь большой тяжестью.

– Луки!!! – спохватившись, закричал пожилой славянин. – Убейте его! Застрелите! Скорее!

Души людей наполнились ужасом и яростью, страхом и жадой крови, липким, вещественным предчувствием неминуемой близкой гибели, и от этого выплеснувшегося во все стороны чувственного букета богиня смерти ощутила уже привычное для себя блаженное наваждение – безграничную слабость во всем теле, невероятную остроту восприятия, невесомость. В сем бестелесном состоянии, стремительная и неуязвимая, Валентина воспарила над полем брани, безмятежно расхохоталась – и послала в атаку еще два отряда с коряво связанными боевыми помостами.

На стене поднялся визг – бабы с детьми кинулись бежать, толкаясь между своими защитниками, мешаясь им, пиная под руку, и дождь из стрел оказался жиденьким и неприцельным. В щиты, которыми двое дружинников прикрывали своего бога, гулко ударили всего с пяток кремниевых наконечников, да и те не смогли пробить легкого тополиного теса в полтора пальца толщиной – хотя засели в древесине довольно глубоко.

Великий Один взревел, ускоряя шаг и напрягаясь, и могучим толчком забросил помост передним концом на край городской стены. Дружинники тоже торжествующе взревели и рину-

лись по ступеням-перекладинам наверх. Славяне сомкнули на их пути щиты, опустили копья. Но кремниевые наконечники уперлись в точно такие же деревянные диски. Напирающие снизу северяне стали резко вскидывать свои щиты наверх, подбрасывая вражеское оружие, подныривая под него, чтобы ударить палицей по выступающей ступне или выпрямиться уже вплотную к врагу и достать ножом поверх защиты голову или плечо горожанина.

Таких ловкачей славяне кололи копьями со второго ряда, норовя угадать в глаз или горло, нападающие отмахивались, стремясь разбить быстрым ударом хрупкие кремниевые наконечники. В сей давке часть северян цепляли топориками на длинных рукоятках верхние края славянских щитов, дергали к себе, вниз – а их товарищи в тот же миг кололи в приоткрывшуюся щель копьями. Один из таких уколов попал в горло тощего рыжего паренька – и на стене наконец-то пролилась первая кровь.

Юный воин, пытаясь зажать ладонями разорванную кремниевым наконечником артерию, сперва опустился на корточки, потом откинулся на спину, и рядом с ним присела невесть откуда взявшаяся Мара в накидке из чернобурки, с наборным налобным украшением из янтарных пластин с височными дисками в виде тонкого полумесяца. Древняя богиня смерти стрельнула недовольным взглядом на свою молодую соперницу и поднесла к губам юноши костяную чашу с серебряной окантовкой:

– Вот, выпей. Тебе станет легче...

У носящейся над жаркой битвой Валькирии работы пока не имелось. Стреляющие справа и слева по штурмовому помосту лучники ранили нескольких северян – но неопасно, хотя из боя и вывели. Дружинники Одина тоже время зря не теряли. Несколько славян свалились с раздробленными ступнями, с переломами ключиц, оглушенные ударами палиц по голове. Стена щитов стала редеть, выгибаться – и незваные гости наконец-то ступили на стену города, продолжая кто яро лупить палицами куда попало, а кто умело и отработанно пробивать топором щели в обороне либо точно наносить копейные уколы.

Справа и слева на краях стены горожане отбивались куда успешнее. Там дружинники, избегая по штурмовому помосту, натыкались на щиты и копья – и скатывались вниз. Снова взбегали – и снова откатывались. При этом многие, раскинув руки, падали вниз в траву, другие слетали вниз кубарем и замирали в живописных позах. Славяне торжествующе вопили, хохотали, выкрикивали угрозы... Пока после четвертой такой атаки седовласый хромой горожанин не заподозрил неладное и не ткнул копьем просто вниз, в помост. Наконечник провалился в пустоту, и воин ругнулся:

– Проклятье, это морок! Нас отвлекают от главной схватки!

– Дубина! Это не морок, а призраки, – недовольно поправила его Валентина и взмахом руки послала своих верных слуг в последний решительный штурм.

Но в этот раз мертвые воины не остановились перед стеной щитов, а прошли сквозь нее, сквозь славян и стали растекаться по стене, прыгивать в город, прямо сквозь двери и стены заглядывать в кладовки и жилища, пытались схватить прячущихся женщин.

Город на реке Эльстере наполнился воплями страха и визгами, беспорядочной беготней – и защитники стены окончательно перестали понимать, где враги, а где мираж; держится священный город Геры или уже пал, кого нужно убивать, а на кого бессмысленно тратить силы и время.

Все случилось довольно быстро. Великий Один, выбравшись из-под помоста, немного отдышался, приходя в себя. Прищурился, оценивая обстановку, потянул свое оружие, размахнулся...

Три сильных, точных броска. Три смертоносных попадания, дробящих кости несчастной жертве. Трое защитников города, сражавшихся наиболее рьяно и умело, – свалились со стены, открывая путь захватчикам. И оборона рухнула. Дружинники бога войны ринулись вправо и влево от помоста, сбивая вниз отдельных воинов, которые еще пытались оказать сопротивле-

ние, перекрыть ворогу путь. В считанные мгновения на стене остались только северяне и торжествующие призраки, да еще полтора десятка стонущих от боли раненых славян.

Великий Один поднялся наверх уже уверенным в себе победителем. Однако, как оказалось, битва еще продолжалась. Во дворе не менее трех десятков славян, сплотившись вокруг краснолицего Талоса, пытались остановить напуганных чужаков.

По иронии судьбы бронзовый бог, явно этого не подозревая, сражался с тремя призраками – в то время как его смертные слуги один за другим падали под ударами вполне вещественного оружия.

– А ты, оказывается, живуч! – прыгнул вниз великий Один. – Мало кому удастся так быстро встать после удара моего молота. Нешто твои кости бронзовые, Талос?

– Давай посмотрим на твои! – взревел хранитель города, кидаясь на врага.

Талос был красив! Золоченая броня, красное лицо и руки, хрустальное навершие булавы, радужно сверкающее в солнечных лучах благодаря замысловатой огранке. Такое вычурное изящество впору выставлять в музеях, а не швырять в кровавые схватки. И потому Викентий пожалел встречать выпад хрустальной палицы своим грубым потасканным молотом – ведь разобьется! Он лишь прикрыл рукоятью голову и поднырнул, широким взмахом пытаясь попасть окантовкой щита по ногам противника.

Однако краснокожий бог оказался не в меру шустрым противником – не только через щит перепрыгнул, но еще и палицей по спине Одина огреть успел. По счастью – вскользь. Но если бы не кираса – валяться бы сейчас богу войны с переломанным позвоночником.

– Ах ты паршивец... – Викентий метнул молот врагу под ноги, попав точно в голень. Талос рухнул, откатился. Один, поймав вернувшееся оружие, кинулся к нему, дабы добить... Но красный бог внезапно вскочил, с диким воплем размахнулся хрустальной булавой. Бог войны едва успел закрыться. – Вот хрень! У тебя что, и правда кости из меди? Почему они не сломались?!

Щит содрогнулся от тяжелого удара. Бог войны в ответ ударил по вражеской ступне, намереваясь превратить ее в кровавую кашу, но... Но Талос словно бы и не заметил нападения, продолжая лупить своей палицей в деревянный диск, и доски, не выдержав, начали трескаться и рассыпаться. Один бросил обломки щита, снова метнул молот, в этот раз метаясь противнику в лоб. Но хранитель святилища просто поймал его в левую ладонь, взмахнул хрустальным шаром – Один насилу успел отпрыгнуть. Однако даже скользкое прикосновение радужной булавы к его кирасе выбило воздух из груди Викентия и отшвырнуло его на десяток шагов, в сваленное возле загородки для свиней сено.

– Умри, поганый святотатец!!! – тяжело ступая, медный воин приблизился к жертве, замахнулся хрустальным оружием.

И тут Викентий заметил лежащий среди сухой травы серп. Обычный, истертый от постоянной работы серп, из прочного ясеневоего корневища, с замасленной рукоятью и длинной зубчатой полоской вклеенных во внутренний паз кремниевых пластин, острых, словно осколок оконного стекла!

Бог войны схватил серп, рывком откатился, группируясь, вскочил, растопырил левую ладонь, призывая свое оружие. Молот рванулся на призыв, дергая руку Талоса вниз и тем самым открывая бок медного бога для удара, – Один что есть силы взмахнул бабским оружием и... И голова хранителя святилища великой Геры подпрыгнула вверх, отделяясь от плеч, рухнула вниз и, подпрыгивая, словно мячик, покатила к воротам крепости по незаметному простому глазу уклону.

– Талоса убили! – в ужасе воскликнули сразу несколько славян. – Талос мертв! Медный бог погиб! Хранитель убит!

Битва прервалась. Горожане опустили оружие, устремились к телу повелителя – смерть хранителя святилища лишала их войну всякого смысла. Возле краснокожего бога склонилась невидимая для смертных богиня Мара, протянула павшему храбрцу свою ароматную чашу.

А возле Одина воздух задрожал горячим маревом, из которого соткалась тяжело дышащая Валентина. Затихшее кровопролитие вернуло Валькирию в ее обычное земное состояние.

– Обалдеть, Вик, – нервно хихикнула она. – Я думала, тебе конец. Отбегался главный воитель.

– Я и сам так подумал, – признался великий Один и осмотрел спасший его серп. Единственного настоящего, сильного удара по человеческой плоти хватило, чтобы выкрошить все кремниевые пластинки оружия под самое основание. Бог войны откинул бесполезную теперь игрушку, вздохнул: – Ты даже не представляешь, Валентина, как я скучаю по-настоящему, длинному и тяжелому, острому мечу! Все эти колотухи, палицы, топоры, это не то. Нет в них... Искры, что ли, не хватает? Они не просят крови, не поют о жажде настоящего парного питья! Это не сеча, – развел он руками. – Это костедробилка какая-то! Раненых навалом, убитые тоже имеются. А крови – нет!

– Викуша... Ты маньяк! – ласково выдохнула богиня смерти. – Тебе этого никто не говорил?

– Много раз. И в этом мире, и в будущем. Но мне можно. Ведь я – бог войны! – Великий Один с резким выдохом вскинул молот над головой, и его дружина восторженно подхватила брошенный клич:

– Слава Одину! Слава Одину! Слава!

Викентий опустил свой молот в петлю на поясе и громогласно объявил:

– Есть время битвы и есть время веселья! Мы славно подрались, и пора отметить это добротным разгулом! Заберите у них оружие и заприте в дальнем доме, – бог войны указал на столпившихся у тела мертвого бога мужчин. – Потом можете развлекаться.

– Что будем делать со священным камнем? – поинтересовалась Валькирия. – Утопим?

– Зачем? – пожал плечами великий Один. – Мы ведь не скифы и не лесовики. Мы не ведем войну ни с богами, ни со святилищами. Мы просто веселимся. Так что пусть стоит. Пожалуй, даже, в благодарность за победу я принесу богине Гере достойную жертву.

Викентий подобрал булаву с хрустальным навершием, покрытым множеством мелких граней и тщательно отполированным, и опустил перед остроконечной мраморной глыбой:

– Прими мой дар, великая богиня! На сегодня это самая большая моя добыча. Возьми сей трофей и подбери для него более умелого воителя!

Тем временем селение вокруг наполнялось шумом победного праздника. Заперев покрывшихся судьбе мужчин, победители разбрелись по городу. Они ковырялись в кладовых и амбарах, выволакивали из потаенных укрытий молодых, ладных и красивых девок, стаскивали с них одежду, опрокидывали на сено, на тряпье, а то и просто на землю, обрушивая на повизгивающих красавиц свои грубые ласки; выбивали доньшки бочонков с вином, резали толстыми шматками буженину и щедро ломали копченую белорыбицу, делили найденное оружие, одежду и инструмент.

Валентина тоже не преминула осушить пару ковшей шипучего кислотоватого сидра, хорошенько закусив вино горстями рыхлой, рассыпчатой осетрины, выпила еще немного и отправилась по селению, с интересом рассматривая затаившихся баб. Сняла с одной перламутровые сережки, рассмотрела, вернула назад – не понравились. У второй вытянула из-за пазухи золотое ожерелье – и тоже брать не стала. Слишком грубая работа: десяток желтых шариков без единого самоцвета или изящных рисунков. Височные кольца, столь любимые славянками, гостя из будущего и вовсе носить не собиралась.

Заскучав, девушка присоединилась к пирушке, на которой сошлись за общим весельем воины живые и мертвые. Призраки, понятно, ни пить, ни есть не могли, равно как развлекаться

любовными утехами. Однако общее настроение улучшалось и их состояние, да и в битве в этот раз они тоже смогли принять заметное участие.

Изрядно захмелев, несмотря на обильную закуску, Валентина снова отправилась за добычей, осматривая затаившихся под стенами и в домах горожан. Наконец вытянула палец, указывая на приглянувшегося безусого большеглазого паренька, чем-то напоминающего большого и румяного молочного поросенка:

– Иди сюда, юнец! Я научу тебя взрослой жизни.

– Не тронь его, ведьма! – метнулась наперерез русая женщина в сером замшевом балахоне и тут же запнулась, густо покраснела лицом, выпучила глаза и захлопала ртом, не в силах сделать ни вдох, ни выдох.

Несколько славянок приподнялись, явно намереваясь ей помочь. Валентина подняла вторую руку, и в лица горожанок дохнул могильный холод, вынудивший всех опуститься обратно на место.

– Вы, верно, думали, что самый страшный среди северян – это великий Один, бог войны? – зловеще выдохнула богиня смерти. – Вы ошибались. Великий Один всего лишь добродушный весельчак, любящий хорошую драку днем и хмельную пирушку вечером. Сегодня он вас без напряжения разгромил, а завтра с той же безмятежностью согласится защищать вас в смертной схватке, стоит вам только обратиться к нему с подобной просьбой. Но вот я... Я – это совсем другое дело...

Валентина разжала пальцы, и женщина упала на колени, закашлялась, часто и тяжело задышала.

– Мама, что с тобой? – кинулся к ней юнец.

– Сердце... – хрипло выдохнула та.

– Не сердце, – покачала головой богиня смерти. – Я взяла тебя за твою душу.

Горожанки испуганно попятились. Девушка криво улыбнулась:

– Это не Один, это я выбираю жертв для разбойничьих набегов. Это я решаю, кому жить, а кому умереть, и это я собираю дыхание мертвецов. Горе вам, коли вы прогневаете меня или окажетесь недостаточно старательны в послушании! Я не просто истреблю вас, я заберу ваши души и заставлю вас развлекать моих воинов на протяжении вечности! Потешать их, прислуживать им, погибать от их гнева, дабы воскреснуть с рассветом и умереть в невыносимых муках снова...

Люди явственно затаили дыхание. Они впервые узнали, что бывает нечто более страшное, чем сама смерть.

– Я вижу, вы меня поняли, – кивнула странно одетая девушка. – Теперь пусть все мальчишки встанут. Мне нужны игрушки.

Отметая совсем уж откровенных детей, Валентина выбрала четырех пареньков смазливой наружности и распорядилась:

– Ступайте в покои Талоса, разведите там огонь, приготовьте вино и закуски. Я намереваюсь ночевать сегодня там. Если кто-то попытается помешать или спросит, что вы делаете, отвечайте, что такова воля Валькирии. Все поняли? Исполняйте!

Спустя час она уже нежилась на мягкой постели правителя. Пляшущее пламя жаркого очага грело обнаженное тело богини смерти, толстая мягкая овчина нежно щекотала ее кожу, в руке девушки покачивалась чаша с шипучим сидром, а четверо юношей покрывали ее ноги, бедра, живот и бока осторожными поцелуями.

– Старайтесь, старайтесь, – блаженно жмурясь, посоветовала девушка. – Я хочу, чтобы ваши теплые губы приласкали каждый уголок моего тела, пусть даже самый потаенный, до последнего мельчайшего вершка...

И уже утопая в сладкой неге, Валентина вдруг выдохнула:

– Черт возьми, как же мне нравится это время! В двадцать первом веке я даже в самых сокровенных мечтах не могла позволить себе ничего подобного...

Часть первая. Сорная Богиня

Неокученная спиритка

Хмурая женщина, низкая и упитанная, лет пятидесяти на вид, прошла в комнату и с недоумением осмотрелась. Рельефные обои под покраску, стеклопакеты в окне, огромная плазменная панель с игровой консолью на тумбе под ней, светодиодная лента на потолке и пара бесформенных кресел с шариковыми наполнителями – все это вызвало у гостя недоумение. Она остановилась на пороге, оглянулась на коротко стриженную девушку с густо очерченными глазами, темно-коричневыми губами и парой сережек в левой ноздре. Мрачная футболка с эмблемой «Металлики», татуировка в виде обнимающего нож пламени на левой руке и темные джинсы солидности хозяйке явно не добавляли.

– А вы чего ожидали увидеть, Кристина Владимировна? – прекрасно поняла клиентку девушка. – Дохлах мышей по углам, сушеные веники под потолком, хрустальный шар и дряхлую старушку в свалывшемся платке? Так ведь мы театральщиной не занимаемся. У нас простой и рациональный бизнес. Вы платите – мы обеспечиваем разговор с мертвым родственником. Спросите меня о чем-нибудь, что может знать только ваш муж?

– Когда мы с ним поженились?

– Перестаньте, дорогая моя! – поморщилась девушка, проходя вперед и присаживаясь на подоконник. – Потом сами же скажете, что я к вам в паспорт заглянула. Давайте что-нибудь личное, о чем в документах и архивах не сказано.

– Во что я была одета, когда мы познакомились?

– А почему вы решили, что он это помнит? – расхохоталась хозяйка. – Это же мужчина! Он помнит, что машину вы купили пять лет назад и техосмотр теперь каждый год делать нужно, помнит, что левое заднее колесо подтравливает и его надобно раз в месяц подкачивать, помнит, что две машины отсева заказал, а звонить будут на его номер, и очень беспокоится, что его сотовый вы отключили. Помнит, что замок на даче заедает и в момент поворота ключа дверь нужно приподнимать, а иначе никак. Помнит, что стык у фильтра течет и его лентой фум замотать нужно. А вот в каком вы платье были при встрече, у него давно из башки выветрилось. Я так полагаю, он ваш костюм уже на второй день начисто позабыл! Скажите спасибо, что он хотя бы номер вашего телефона в голове держит. Такое в наше время редкость.

– Откуда вы знаете про дверь? – облизнула губы гостя.

– Так я у вас за спиной стояла и подглядывала! Неужели не заметили? – хмыкнула девушка. – Ну что, платить будем? Семь тысяч за информацию о куче бабла, которое вы имеете право унаследовать, но о котором не в курсе. Что скажете, Кристина Владимировна?

– Валентина... Вас ведь Валентиной зовут? – уточнила клиентка. – Вы посудите сами... Как я могу не знать о больших деньгах мужа? В это очень трудно поверить.

– Если я хоть намекну, вы об остальном сами догадаетесь. И я останусь без гонорара. Так что деньги вперед, – твердо ответила девушка. – Или пусть пропадают, все равно не мое.

– Скажите, а мой муж ругался матом? – неожиданно спросила Кристина Владимировна.

Валентина к чему-то прислушалась, засмеялась, вскинула большой палец:

– Однажды на даче вы пытались завести триммер. А ваш супруг стоял позади и давал советы. И когда мотокоса запустилась, ему досталось леской по голому брюху... В тот день вы услышали от него очень много нового и неожиданного.

Клиентка грустно улыбнулась, покачала головой и открыла кошелек.

– Отлично, – прибрала денежки девица. – Теперь слушайте. У вашего мужа есть несколько тысяч акций транспортной компании «Трафик». Достались через посредника вместо

живой оплаты каких-то работ. У кого-то был затык с деньгами, вот и сговорились на «натуру». Вам он про них рассказывал, но вы ведете себя так, словно совершенно не помните. Документов на акции нет, но есть реестр акционеров в банке «Тризит». По запросу от нотариуса вам сделают выписку.

– Точно! – ударила себя ладонью по лбу женщина. – Он рассказывал! Но это было, наверное, лет пятнадцать назад?

– Вы чуть не профукали несколько миллионов, Кристина Владимировна.

– Да, действительно. Спасибо вам большое, Валентина!

– И по поводу отсева ваш муж тоже сильно беспокоится.

– Я включу его телефон.

– А еще он хотел бы навоз на картофельную пашню вывалить, у него телефон тракториста в трубке есть, советует фильтр поменять, и еще он чердак зашить не успел, а там птицы утеплитель выщипывают. У вас там дача или ферма, я не понимаю? И накладки на пороги купить требуется... В общем, все еще пытается хлопотать ваш благоверный. Никак не привыкнет, короче, что уже умер и заботиться больше не о чем. Суется.

– Как вы можете так говорить, Валентина? – не выдержала клиентка. – Никакого уважения!

– К мертвым? – вскинула брови девушка. – Так это они только для вас умерли, Кристина Владимировна. А для меня постоянно перед глазами туда-сюда шастают. Деловые, занятые, требовательные... В общем, если захотите пообщаться, можете приходить. Эта услуга у меня по записи, тысяча рублей в час, при условии наличия собеседника. Но если честно, я бы не советовала. Одно дело мирские хлопоты закрыть, и совсем другое – когда покойный постоянно в вашу жизнь станет вмешиваться. И мертвым он до конца не станет, и живым уже не вернется. Так что самое разумное отпустить.

– Странно слышать такое от человека, зарабатывающего на общении с усопшими, – удивилась клиентка.

– У меня желающих больше, нежели свободного времени, Кристина Владимировна, – поморщилась Валентина. – Могу позволить себе быть честной.

– Я подумаю над вашими словами, – степенно кивнула гостья. – И еще раз огромное спасибо за помощь.

– Всегда к вашим услугам! – Девушка приложила ладонь к груди. – Минимальная ставка тысяча рублей.

– Буду иметь в виду.

Кристина Владимировна вышла, и в комнату тут же влетела пухлая девица лет восемнадцати:

– Валя, мне можно поговорить с бабушкой?

– Говори, она никогда не отказывается, – пожала плечами хозяйка.

– Я хочу знать, куда сестры засунули мой планшет, чертовы идиотки! А? Бабушка ведь присматривает за нами, она наверняка видела! А?

Валентина молчала.

– Ах да, сейчас... – Девица полезла в карман, достала скомканную тысячу.

– Бабушка уверена, что ты забыла планшет там, где оказалась плохой девочкой.

– Вот козел! И молчит! – Гостья выскочила, не попрощавшись.

– Не сердитесь на нее, Настасья Павловна, – сказала в пустоту Валентина, подбирая с тумбы пульт и усаживаясь в кресло. – Девочка слишком разволновалась. В наше время потерять планшет – это все равно что утратить девичью честь во времена вашей юности.

Девушка к чему-то прислушалась, округлила глаза и щелкнула пальцами:

– Да что вы говорите?! А мы-то всегда считали наших бабушек скромницами и тихонями!

Снова прислушалась, мотнула головой:

– Да неужели?! Воистину, ничто не ново под луной!.. Не может быть! Подпаивали и раздевали?! Ради гадания?! На «встанет не встанет»?! Вот это суеверия, вот это я понимаю! Это вам не черная кошка через дорогу!

Дверь опять открылась, в комнату ввалились трое парней самого подзаборного вида – в вытертых штанах, в поношенных футболках и рубашках, попахивающих дрянным виски и старыми носками.

– Вы по записи? – поинтересовалась Валентина, выпрямляясь в кресле.

– Нет, мы по делу, – и один из парней с ходу ударил девушку в челюсть. – Так понятно?

– Ах вы... Ублюдки... – Удар был хлесткий и болезненный, но из кресла Валентину не выбил, не оглушил. Только рот наполнился кровью.

– Ты, спиритка долбаная, работаешь на нашей территории, – сквозь зубы процедил другой гость. – А бабло не заносишь. Поэтому с тебя штраф – пятьдесят косарей. И еще полтос будешь платить каждый месяц.

– И минет каждому, – добавил третий.

Валентина красноречиво сплюнула кровью на пол, и парень передумал:

– Ладно, сегодня можно пропустить. Отмывайся от тебя потом... Братва, а давайте ее просто трахнем? Баба молодая, в самом соку.

– Я сеансы на видео записываю, чтобы претензий не было, – потрогала рот ладонью девушка. – Если тронете, отдам запись ментам, сядете все.

– Сдашь легавым, сядешь сама! Но на перо! – Парень ловко раскрыл нож-бабочку.

– Если зарежешь, кто вам бабло принесет? – презрительно скривившись, подняла на него взгляд Валентина.

– Не борзей, сука! – Нож и правда уткнулся молодой спиритке в горло.

– Сроку тебе неделя, – невозмутимо сообщил первый из вымогателей. – Не успеешь, поставим «на круг». Будешь своей пилоткой проценты отрабатывать, пока долг не вернешь. Попытаешься стукнуть или сбежать – пустим в расход, как бесполезный мусор. Все поняла?

– Да, поняла, – кивнула девушка.

– Что поняла?

– Через неделю заплачу деньги, – покладисто ответила Валентина.

– Хорошая девочка, – похвалил жертву вымогатель. – Пошли, братва. Не будем ей мешать.

– Счетчик тикает, – сложил «бабочку» третий парень. – Тик-так, тик-так. Мы еще придем.

Бандиты спустились вниз, загрузились в потрепанную BMW GT, выкатились со двора.

– Зря ты не дал ее трахнуть, Димон, – посетовал забравшийся за заднее сиденье парень с ножом. – Тетка клевая. Буфера прямо сами в руки просились. Я, как только увидел, сразу завелся.

– Тебе чего, баб мало, Юрок? – ответил сидящий за рулем вымогатель. – Видел, как девка от первого же намека обосралась? И кровью захаркала, и про легавых заголосила. Раз групповухи боится, значит, надо ее этим прижимать, и пусть платит. По кругу пустить – дело нехитрое. Вот только потом ни страха не будет, ни бабла. Пять минут удовольствия, вот и весь доход.

Машина выкатилась на проспект Конституции и разогналась почти под сотню, мягко покачиваясь на низкопрофильных шинах в левом ряду.

– Откуда у этой соски такое бабло, Димон? Десять косарей за неделю! Наврала она про деньги. А сама небось уже лыжи смазывает.

– Не бойся, не соскочит, – ответил водитель. – У нее квартира не съемная, купленная. Тут и прописки все, и страховки, и документы, и даже машина местная. Так что сорваться с места ей не так просто. Быстро в базах данных всплывет.

– И чего мы тогда ее не поимели? – не понял Юрок. – Раз она один хрен «на поводке»? – Смотри!!!

Поперек проспекта, чуть не под самые колеса BMW, вдруг рванула старая бабка в цыганской юбке и вязаной кофте, да еще и с ребенком за руку. Уходя от наезда, бандит торопливо рванул руль влево, вылетая на встречную полосу, и лоб в лоб вошел в такой же стремительный, но куда более тяжелый и прочный «Геленваген». От страшного удара легковушка встала на дыбы, несколько раз перевернулась, шумно рухнула на асфальт и, наконец, застыла на ободах поперек проспекта.

Вскоре подушки безопасности опали, перестал урчать оставшийся без топлива двигатель, отстучал свое и остановился вентилятор обдува. Наступила слабо похрустывающая стеклянными осколками тишина... И тут в разбитое окно автомобиля заглянула, крутя на пальце ключи от машины, так и не трахнутая «спиритка». Весело подмигнула:

– Привет, мальчики! Соскучились?

Ответом стал болезненный стон вяло шевелящихся, окровавленных парней.

– Та-а-ак, и что это тут у нас? – осмотрелась девушка. – Вижу-вижу, одна тушка, двое недобитков. И одному из вас жить ну совершенно незачем. Так что этот недочет мы сейчас исправим...

Быстрым движением руки она проникла в грудь Юрка, вырвала кулак наружу, посмотрела в лицо парня, теперь уже без улыбки.

– Значит, говоришь, тебе нравятся минеты? Могу предложить более яркие впечатления... – Спиритка внезапно вогнала пальцы жертве в глаза и подняла трясущееся тело на вытянутой руке. – Нравится?

Димон, ноги которого были зажаты где-то под рулем, вдруг понял, что Юрков стало двое. Один сидел в пассажирском кресле с разбитым в кровь лицом и неестественно вывернутой левой рукой, второй – выл и брыкался в руках темноволосой, коротко стриженной девки.

– Понравилось? – Спиритка отпустила жертву, и вымогатель упал на асфальт. Поднялся, покачиваясь, затряс головой. – Удивлен, что чего-то видишь? Так ведь в этом весь кайф! Можно пытаться тебя снова и снова... – И девушка опять вогнала пальцы в его глазницы на всю длину. Выдернула, вогнала, выдернула, снова вонзила, а потом вдруг смяла, скрутила тело в жгут, словно тряпку, рванула в стороны, подула... И второго Юрка не стало. Развеялся, как растертый между пальцами жженный пергамент.

Мужчина невольно сглотнул. Девушка резко повернула лицо к нему, злорадно оскалилась:

– Да, приятель, с уродом я погорячилась. Собиралась пытаться его вечно, но как-то вдруг представила перед собой его вонючие причиндалы... И не удержалась. Но ты, крысеныш, так просто уже не отделаешься. Из тебя я стану тянуть жилы медленно и с удовольствием, пока о развеивании сам просить не станешь. И из тебя, и из еще одного... – Спиритка распрямилась, закрутила головой. – Чуть не забыла про третьего гаденыша. Ладно, ты тут пока полежи, а я дружка твоего в мире мертвых привечу. Здешний минет ему страшно понравится, не сомневайся.

– Как?.. Мертвых?.. – прохрипел водитель. Однако девушка уже шла куда-то в сопровождении странной свиты из бабушек, женщин, мужчин и нескольких детей. – Вот черт!

Откуда-то издалека послышался звук сирены. Он нарастал и нарастал, пока возле перевернутой машины не появились несколько человек в синих халатах.

– Как вы себя чувствуете? – присел рядом с левой дверцей молодой медик. – Как голова, руки? Ступни ощущаете?

– Мне кажется, доктор, у меня галлюцинации, – пробормотал мужчина.

– У вас болевой шок. Спасатели говорят, чтобы освободить ноги, машину придется резать. Сейчас мы введем вам успокоительное, и вы ничего не почувствуете, – говоря это, медик снял колпачок с иглы одноразового шприца и вонзил пострадавшему в плечо.

Сразу после этого мир вокруг расплылся – и в себя пострадавший пришел уже в тихой, маленькой, но светлой палате, в которой мерно пикали сразу несколько невидимых с подушки приборов. Ноги ныли, плечо болело, голова гудела – но в общем Дмитрий чувствовал себя достаточно бодро. Сознание казалось ясным и чистым, как после недели отдыха в деревне у бабушки.

– У бабушки... – вслух пробормотал он, вспоминая невесть откуда взявшуюся посреди проспекта старуху с ребенком.

– Дмитрий Никишин, – остановилась перед койкой пожилая женщина с явно крашеными, редкими рыжими волосами, в роговых очках и в белом халате. – Переломы двух голеней, тупая травма живота, бедра, множественные трещины голеностопа, подозрение на сотрясение мозга.

– Это серьезно, доктор? – неуверенно спросил Никишин.

– Валя, он выживет почти наверняка, – ответила женщина, и из-за изголовья койки внезапно возникло лицо коротко стриженной спиритки с двумя сергами в носу.

– Привет, Димок! – оскалилась она. – Ты же не думал, что я про тебя забыла?

– Черт! – Мужчина вздрогнул и попытался приподняться, однако руки оказались привязанными к поручням. Видимо, чтобы не выскочили уходящие в вены иглы капельниц. – Откуда ты взялась?!

– Обожаю больницы, Димуля! – Спиритка с непостижимым нахальством подтянулась за поручни и уселась на постель, почти на ноги раненого. – Здесь всегда столько свежих мертвцов! Обязательно найдется чем поиграть. Хочешь, фокус покажу?

Она положила ладонь Никишину на грудь, и мужчина вдруг ощутил, что у него перехватило дыхание, лицо покрылось холодным потом, а судороги пробили конечности. Приборы сорвались на безумный тревожный писк, что-то часто-часто запыхтело.

Но девушка убрала ладонь – и звуки стали возвращаться к размеренному писку, а пострадавший смог наконец-то сделать глубокий вдох. И тут же ладонь опустилась обратно, сводя с ума медицинскую аппаратуру и выжимая из человека холодный пот.

– Кто... ты? – сдавленно простонал мужчина.

Девушка резко наклонилась, заглянула ему в глаза:

– А к кому вы сегодня пришли, кретин?! Вы что, не знали?!

Валентина выпрямилась, зябко поежилась, кивнула женщине:

– Спасибо, Анна Васильевна.

– Конечно, Валечка... – Врачиха отступила и скрылась прямо в стене.

Спиритка повернулась к больному, подмигнула ему и похлопала ладонью по щеке.

– Когда собираешься насиловать и грабить ведьму, Дима, нужно быть готовым к тому, что она обидится. Особенно если ведьма дружит с мертвецами.

– Ты?! – выдохнул мужчина.

– Я-а-а... – передразнивая его, выдохнула девушка. – С самого-самого детства.

Она забросила руки за голову, откинулась назад, нимало не беспокоясь о том, что при этом чувствует раненый.

– Души мертвых я видела всегда, – поведала юная ведьма. – И они всегда мне подчинялись. Малым ребенком я очень пугалась странных дяденек и тетей, приходящих невесть откуда, и гнала их. Они, естественно, подчинялись. Может, так бы все и обошлось, привыкли бы покойнички стороной меня обходить. Но когда умерла бабушка, то прогонять ее мне не захотелось. Так и повелось. Бабуля рядом была, заботилась, часто советы давала, как в неприятности не

влипнуть, учила не хвастаться. Я заботилась о ней и многих других. Я ведь могу сотворить с мертвецом абсолютно все. Изменить его облик или развеять, словно дым, внушить любые чувства, или успокоить, могу принудить делать все, что пожелаю, или дать утешение некими подарками. Могу хоть цветок сотворить, хоть самолет. Не настоящий, понятно. Но зачем душе настоящий? Я могу сохранить душу в умирающем теле или вырвать ее из живого. Правда, лишиться жизни здорового человека для меня практически невозможно. Слишком уж крепко душа за тушку держится. Но если тушку слегка покалечить, ослабить, травануть. Подстроить столкновение... То запросто!

Валентина повернулась на бок, облокотилась на локоть, уперев его мужчине в пах.

– Гладко получалось не всегда. Пару раз я вляпывалась, имела беседы со школьной директрисой и даже психиатром. И ты знаешь, мне настолько хотелось доказать им, что я не вру, что у меня это получилось! В итоге в дурку поехали они, беседуя с невидимыми существами, а меня даже пожалели. Ведь я чуть не оказалась жертвой душевно больных людей... – Ведьма тихо засмеялась. – Вот так, Дима, я поняла, что могу открывать людям глаза на мертвые души. Могу их показать, могу забрать такую способность, могу снова показать.

– Это ты послала бабку с ребенком мне под колеса! – Ненависть к виновнице аварии дала мужчине силы. Он приподнялся, вполне внятно заговорил: – Это были призраки!

– Тю! – хмыкнула Валентина. – Я что, должна раскаяться? Вы бандиты, мразь двуногая. Вы недостойны жизни. Вы пришли меня ограбить, и я вас наказала. И, кстати, Дима, смерть – это только начало. Твой приятель, например, сейчас тонет в пруду. Захлебывается, брыкается. Выжить не может, но и умереть, сам понимаешь, тоже. На два-три года ему этого хватит, а потом я еще чего-нибудь придумаю.

– Развяжи меня, проклятая тварь! – дернул руками мужчина.

– А то что? – вскинула брови Валентина. Неожиданно с силой ткнула локтем больного в пах и сказала: – Я дам тебе шанс, урод. Шанс избавиться от страданий. Твой булькающий друг сказал, что ты среди дебилов за старшего, а он просто выполнял команды. Так вот, Дима... Я хочу знать, кто вас на меня навел? Тогда твои грехи я повешу на стукачка.

– Пошла ты в задницу, тварь! – скрипнул зубами мужчина. – Простым трахом ты теперь не отделаешься...

– Ответ неверный, мальчик, – безмятежно зевнула спиритка, приподняла руку, и аппаратура взвыла от ужаса, запищала, запыхтела, затрещала, отчаянно пытаюсь противостоять воле ведьмы. Но схватка оказалась неравной, и призрак больного отделился от бьющегося в судорогах тела, сполз на пол, распластался между колесами медицинской койки. Девушка спрыгнула ногами ему на живот: – Разве я не предупреждала тебя, идиот, что все задохлики зависят в своей судьбе от моей доброй воли? Ползи за мной...

Валентина направилась к двери. Посторонилась, пропуская реаниматологов, вышла в коридор, пересекла его быстрым шагом, свернула в пустую сестринскую.

– Продолжим, – повела она пальцами, и мужчина выпрямился. – Ты хотел рассказать, кто вас на меня навел?

– Пошла в задницу, блядуга долбаная!

– Правда? – вскинула брови девушка, и призрака охватило яркое, жаркое пламя.

Дмитрий завыл, забился от боли, попытался метаться, но не смог, удерживаемый волей спиритки. Пара минут, и огонь пропал, а мужчина рухнул на колени, тяжело дыша. Не по необходимости, а скорее из оставшейся при жизни привычке. Посмотрел на ладони, ощупал лицо пальцами.

– Удивляешься, что нет ожогов? – пожала плечами Валентина. – Могу устроить...

И кожа призрака тут же пошла пузырями.

– Не-е-ет! – испуганно воскликнул Дмитрий.

Ожоги сразу исчезли.

– Да, мне тоже противно смотреть на всякое уродство, – согласилась девушка. – Призраков предпочитаю видеть чистенькими. Так вот, урод, объясняю еще раз. У тебя остался только один выбор: ад или рабство. Либо ты замаливаешь свой грех преданным старательным служением, либо проводишь вечность в муках. Ответишь сразу или дать тебе пару недель погореть в размышлениях?

– Это приказ Самуила, – выдохнул мужчина. – Смотрящим на городе он сидит. Я просто бригадир.

– Молодец, Дима, правильный выбор, – похвалила его девушка. – Как мне этого Самуила найти?

– Тебя к нему не пустят. У него охрана круче, чем у губернатора. Дом весь под сигнализацией, выезжает на трех машинах, гуляет с пятью телохранителями.

– Обращаясь ко мне, нужно говорить «госпожа», – наставительно сообщила Валентина. – Понятно?

– Да... госпожа, – смирился со своим положением мужчина.

– В дом я, понятно, не поеду, – задумчиво решила ведьма. – Однако ваш смотрящий наверняка бывает в каких-то заведениях. Музеях, ресторанах, театрах... Ступай к нему и узнай о его ближайших планах. Потом расскажешь.

– Меня к нему даже близко не подпустят! Он смотрящий на городе, а я простой бригадир...

– Ты призрак, идиот, кто тебя остановит? – презрительно фыркнула Валентина. – Ступай к Самуилу, торчи рядом и слушай. Когда узнаешь что-нибудь полезное, сообщи.

– Как? – развел руками мужчина.

– Как, госпожа! – гневно прищурилась девушка, и Дмитрия на миг охватило пламя.

– Да, госпожа-а-а-а! – болезненно закричал призрак.

– Тебе достаточно про меня вспомнить, и я услышу, – сообщила ему ведьма. – Или призову, или так выслушаю. Не справишься – накажу. Будешь стараться – получишь награду. Награждать я тоже умею. Беседой с друзьями или родственниками, гулянием среди смертных на праздниках, пусть и бесплотным, зато видимым; отдыхом в чудесных местах. Некоторые просят покоя. Даровать покой я тоже могу. Но его нужно заслужить. Ты все понял, раб?

– Да, госпожа.

– Тогда отправляйся!

Оставшись одна, Валентина прищурилась, прислушалась. Потом выскочила из сестринской, метнулась к лестнице, стремительно поднялась на два этажа, замерла возле одной из палат. И буквально через минуту глубоко вдохнула, с наслаждением принимая в себя щекочущее и прохладное, нежное, как бокал шампанского, чувство. И почти сразу через стену вышла сморщенная, совершенно ветхая старуха.

– Все хорошо, бабуля, – сказала ей спиритка. – Больше ничего не будет болеть, ничего не будет тревожить, никакие лекарства больше не нужны. Наслаждайся безмятежностью. Можешь отправляться домой. Послушать, что родичи на поминках о тебе расскажут. Чаще всего это бывает чертовски познавательно.

– Можно? – не поверила покойница.

– Можно, – кивнула девушка.

Отпустив старуху, она сошла на этаж ниже. Встала в коридоре, опустив голову. Вскоре к ней пришел еще один ожидаемый блаженный, щекочущий импульс. А вслед за ним появилась совершенно лысая девочка лет пяти в белой больничной пижаме.

– Вот ты и вылечилась, – сказала ей Валя, и от этих слов на голове девочки появились густые кудряшки, пижама превратилась в платье, на ногах возникли сандалии. – Хочешь посмотреть на себя в зеркало?

Искать зеркало она не стала – просто создала на стене напротив.

- Как здорово! – захлопала в ладоши малышка. – Вот мама обрадуется!
- Конечно, обрадуется, – согласилась ведьма. – Она там, беги к ней...

Впереди возникла освещенная солнцем яркая цветочная поляна с порхающими бабочками, огромными подсолнухами, кустиками земляники. Девочка радостно кинулась туда... Ведьма хлопнула в ладони – и поляна исчезла вместе со счастливым ребенком.

Валентина ненавидела, когда умирают дети. Ненавидела врачей, неспособных их вылечить, ненавидела весь мир, построенный по таким законам, ненавидела себя за то, что не могла устоять против соблазна испытать наркотический кайф от импульса, даруемого ей каждой смертью. Она приходила, приходила сюда раз за разом, когда предчувствовала новую кончину. Потом развеивала детскую душу – отчего бесилась еще сильнее.

Но не развеивать было нельзя. Маленькие призраки слишком любили ласковых ненаглядных мамочек – а те своих мертвых детей не замечали, и все посмертное существование малышек превращалось для бедняжек в безумную невыносимую пытку...

Вот и теперь... Умом девушка понимала, что поступила правильно. Но чувствами... Чувствами ей хотелось кого-нибудь убить. Больше всего – саму себя.

– Ты опять здесь? – остановилась перед Валею медсестра. – Как ты сюда каждый раз пробираешься, ненормальная?

– Черт, мне нужно выпить, – ответила спиритка. – Все, успокойся, уйду. Сегодня у вас никто больше не умрет.

– Проклятая ведьма, – плюнула ей в спину медсестра и три раза быстро перекрестилась.

* * *

В клубе «Карамболь» Валентину знали достаточно хорошо. И потому бармен, едва посетительница присела за стойку, без вопросов налил в высокий стопарик водки, на треть разбавил тархуном, кинул кубик льда и поставил на стойку.

– Опять тяжелый день?

– Считаю, один к трем, – ответила девушка.

– Бывает... – Бармен достал второй стакан, и к тому моменту, когда гостя осушила первую стопку, перед ней уже стояла вторая порция, а молодой человек разводил третий «коктейль».

В столь раннее время заведение еще пустовало, и потому к единственной даме почти сразу подсел худощавый паренек не особо броской наружности. Джинсы-свитер, острый нос, короткие волосы и тоскливый взгляд. Студент студентом.

– Странно видеть столь очаровательную девушку в одиночестве, – пространно начал он. – Не позволите составить компанию?

– А почему ты решил, что я одна, студент? – облокотилась на локоть девушка. – Тебе об этом ректор на кафедре биологии рассказал?

– Вообще-то, я с геологического, – смутился паренек.

– Ну, хоть не медик, и то слава богу. – Валентина потянулась за третьим стопариком. – Но вот в компании я все равно не нуждаюсь.

– Я могу вас чем-нибудь угостить.

– Тебе не повезло, студент. – Девушка решила разом покончить с надеждами бедолаги. – Я не одна, я с другом.

– Но я видел, как вы... – попытался возразить паренек, но Валентина щелкнула пальцами и указала ему за спину:

– Вот он как раз подошел. Николай, мой сегодняшний спутник.

Студент обернулся и изумленно охнул:

– Колян?! А говорили, что ты умер!

– Ну что за день сегодня такой? – поморщилась ведьма. – Облом на обломе. Похоже, мне нужна четвертая...

– Так ты жив? – продолжал удивляться студент. – Но где, как? Почему тебя не видно? Почему Лизка ничего не знает?

– Валентина, мы с Геной на одном курсе два года учились, – молитвенно сложил руки на груди Николай. – Можно я с ним немного поговорю?

– Да болтайте, чего уж теперь, – отмахнулась девушка.

– Это что, твоя жена? – перешел на шепот студент. – Как же она тебя сурово... Даже беседа с другом только по разрешению. Живешь в ежовых рукавицах? Немудрено, что за покойника считают.

– Валентина мне не жена, просто очень симпатичная знакомая, – поспешил откреститься призрак. – Да и мертв я так... Всего чуть-чуть. – Он показал пальцами сантиметров пять. – Ты Лизе ничего не говори, хорошо? Не поверит. Она как раз успокаиваться начала.

– Так ты сам-то куда пропал, Колян?

– Учебу пришлось оставить, – развел руками тот. – Вот, кручусь помаленьку. Но за тебя рад. Аспирантура, считай, в кармане.

– Откуда ты знаешь?

– Слухами земля полнится...

Призрак и студент оживленно бубнили друг с другом, а ведьма не спеша, маленькими глоточками, поглощала четвертую стопку своего ужасного пойла. Водка, стремительно разнесенная газиками по телу, добралась до мозга, растеклась там, обосновалась, затапливая эмоции, и ведьму наконец-то отпустили и тревога, и муки совести, и ощущение бессилия.

Что поделать, в этой жизни постоянно кто-то умирает. Даже дети. Не она это придумала, не ей себя винить.

На взрослых и вовсе плевать. Почти всегда сами виноваты. Кто выпьет и таблетками закусит, кто с крыши прыгнет, кто решит разбоем подзаработать. Туда им и дорога.

Валя допила свой стопарик, перевела дух. Выть на луну ей больше не хотелось. Хотелось разговора, ласки, хотелось уткнуться носом в плечо, чтобы не протрезветь завтра в одиночестве. А то ведь с похмелья ко всему прочему еще и депрессия завсегда накатывает.

Девушка повернулась спиной к стойке, окинула взглядом зал – но тот все еще оставался пустым.

– Сегодня явно не мой день, – уже в который раз признала она. Подумала... и повернула голову: – Эй, студент! Уболтал, черт языкастый. Можешь заказать мне «мартини».

– Я? – отозвался парень.

– Ты, ты, – кивнула ведьма.

– Но как же Нико?... – Гена обернулся к приятелю и замер, оборвав фразу на полуслове. Его однокурсник бесследно исчез.

– В другой раз договорите, – пообещала Валя.

– Но как... – Парень растерянно поводил руками.

– Ты меня клеил, чтобы о Коле потреться или с более конкретным интересом? – хмыкнула девушка.

– С-с... Более... – совсем растерявшись, признался Гена.

– Тогда мартини, – напомнила ведьма.

– Бокал мартини и стакан апельсинового сока, – согласно кивнул бармену парень.

– Ты чего, в ночном клубе соком отпиваешься? – развеселилась девушка. – На нормальное бухло храбрости не хватает?

– Мне завтра за руль, – нахмурился студент.

– Врешь ты все, – отмахнулась ведьма. – Нет у тебя никакой машины и никакого руля. Ты просто трезвенник, паинька и отличник. Наверняка сдал с отличием какой-то крутой курсовик

и пришел сюда отметить с растопыренными пальцами. Выпить кружку пива, получить отлуп от пары баб и к полуночи уехать в общагу отсыпаться.

– Я не отличник! – Настроение парня портилось на глазах. Разговор с девушкой он явно планировал иначе.

– Докажи! – Валя постучала пальцем по стойке. – Стас, сделай ему три моих «витаминчика».

Бармен с невозмутимым видом выставил перед парнем три стограммовых коктейля из водки с лимонадом и кубиком льда.

– Я не хочу, – покачал головой тот.

– Помнится, ты назвал меня очаровательной? – наклонилась вперед Валя. И заговорила пообещала: – Выпиваешь все три залпом, и я твоя.

Лицо студента стремительно приобрело розовый оттенок, а щеки стали пунцовыми.

– Койку в общаге можешь не искать, – вбила еще один гвоздь в его нравственные страдания ведьма. – Хага с меня.

– Ваше мартини, сударыня, – на стойке появился еще один бокал.

– Ты что, раздумываешь? – вскинула брови Валентина, пригубила вино. – Это, случайно, не оскорбление?

– Сперва Коля... Теперь это... – свел перед собой указательные пальцы парень. – Это что, розыгрыш? Или сон?

– Ты слишком много думаешь, студент. – Девушка сделала несколько глотков из бокала. – Это становится скучно. Пожалуй, мне пора.

– Подожди! – Гена напрягся и с таким видом, словно встает под пулеметный огонь, одну за другой осушил все стопки.

– Молодец, – Валя допила вино. – Ты выиграл джекпот. Оплати счет и поехали.

* * *

Три бутылки из-под мадеры, стоящие на подоконнике, предполагали, что утро должно начаться жуткой головной болью. Однако Валя ощущала себя если не свежей и бодрой, то как минимум слегка живой. Может быть, потому, что она проснулась в своей постели и ей не требовалось лихорадочно одеваться и куда-то бежать? А может, благодаря поцелуям студента, каковыми тот покрыл ее ноги, ее живот, бедра и вообще... Был очень старателен перед уходом.

Что происходило раньше – она просто не помнила.

Кажется, Гена объяснялся ей в любви.

– Пожалуй, нужно повторить все еще раз, но более трезвыми, – вслух подумала девушка и потянулась к планшету, посмотрела расписание.

Первый клиент ожидался через полтора часа. Выползть из постельки не хотелось, но... Скромной одинокой девушке очень трудно выжить, не имея в день хотя бы пяти тысяч рублей дохода. Даже если за нее платят в клубах и такси.

Пришлось подниматься, идти в душ.

Там Валя и обнаружила, что серьги из ноздри пропали.

– Неужели студент стырил? – пробормотала она, выливая на голову шампунь. – Наверное, бедолаге пришлось сильно постараться, снять их так, чтобы я не проснулась.

Однако, когда она вышла в комнату, на телефоне обнаружилась эсэмэска:

«Люблю!»

– Эк его проняло, – довольно улыбнулась Валентина. – Три стопки водки с газировкой способны сотворить чудо с любым ботаником.

Она подумала и ответила:

«В глаза повтори!»

Подозрение со студента автоматически снималось. Если он чего и украл – так только номер ее мобильного. Получалось, что серьги где-то в доме. Однако квартира большая, украшения маленькие, а где, когда и почему Валя их сняла – она совершенно не помнила. Так же как последнюю бутылку вина.

– Надо это дело бросать, – пробормотала ведьма, убирая постель. – Больше никаких излишеств. Ни водки, ни больницы, ни кабаков. Только секс, сон и работа.

Впрочем, обещание вести здоровый образ жизни Валентина давала себе не в первый раз. И даже купила кроссовки и костюм для утренних пробежек. Но начало как-то все откладывалось и откладывалось. То непогода, то ранние клиенты, то похмелье... Так все до сих пор в магазинных пакетах и лежало.

– Но теперь никаких поблажек! – пообещала себе девушка. – С сегодняшнего дня беру себя в руки! Все! Решено! Клятва!

Стараясь не вспоминать о том, что и эта решительная клятва была далеко не первой, она переделалась в чистую одежду, открыла входную дверь и отправилась в кабинет ждать посетителей.

Валентине не нравился анекдот про экстрасенса, который спрашивал: «Кто там?» – и потому она не запиралась, когда была дома – доказывая всем, что ей нечего бояться.

До вчерашнего дня неприятностей не случалось. Однако и вчера зло в итоге оказалось наказано, а справедливость восторжествовала.

День покатился по накатанной колее – люди приходили, уходили, звонили с вопросами, просили отыскать родных или сразу записывались на встречу; потихонечку капала в копилку денежка, а часики отсчитывали время, когда лавочку наконец-то можно будет закрыть и отправиться тратить свой аскетичный прибыток...

Внезапно Валентина ощутила мысли вчерашнего бандита и, благо как раз находилась одна, притянула его призрак к себе. Кратко распорядилась:

– Говори!

– Сегодня вечером Самуил будет в ресторане «Парадиз», госпожа, – отчитался Дмитрий. – У него забронирован столик на семь часов вечера. Хочет с кем-то встретиться не по делам. Возьмут с собой женщин.

– Молодец, – похвалила слугу ведьма. – Видишь, как все просто?

– Будет пятеро телохранителей. И гость его тоже, возможно, с охраной.

– Пустяки. Ступай и продолжай слежку.

– Да, госпожа... – Призрак растворился.

Ведьма постояла у окна, рассеянно глядя на коряво стриженные тополя, подумала. Потом подняла руки, словно в молитве, и вскоре в комнату, прямо через стены, сразу со всех сторон, стали входить мужчины разного возраста, вида и комплекции.

Валентина развернулась лицом к ним и сообщила:

– Сегодня веселимся, мальчики. Будет небольшой маскарад.

Она пошевелила пальцами, и одежда на всех сменилась на военную форму без знаков принадлежности, лица покрылись боевой раскраской, в руках возникли автоматы Калашникова. Тела тоже стали крупнее – шире в плечах и выше ростом.

– С вас шум и гам для нескольких зрителей, – кратко проинструктировала ведьма и усмехнулась: – Только никого не застрелите ненароком!

* * *

Вход в ресторан «Парадиз» охраняли два мордоворота в штатском. Однако войти туда труда не составило. Один из плечистых бугаев окинул девушку в футболке и джинсах пустым взглядом, буркнул что-то вроде:

– Бар на первом этаже справа... – и принялся сверлить взглядом василиска подкативший темно-синий «Майбах».

Валя отправилась в бар, взяла бокал пива и уселась у дальней стены, дожидаясь своего часа.

Дмитрий проявился только в начале девятого, кивнул. Вместе с призраком девушка поднялась наверх, миновала метрдотеля, которого в нужный момент отвлек от незваной гостьи непонятный шум за занавеской, вошла в высокий зал с хрустальными люстрами, шелковой драпировкой стен и занавесками из того же материала и двумя десятками овальных столов, отливающих лаком, с уютными креслами в стиле «ампир» вместо стульев.

– Самуил у второго окна, – указал подбородком Дмитрий. – Столик справа от входа – это его охранники; второй их стол – у окна. Парень, который стоит, тоже телохранитель. Больше, мне так показалось, из бойцов никого.

Отличить охрану от посетителей было нетрудно. Крепкие молодые люди, которые сидят парочками и пьют минералку, постоянно глядя по сторонам. Самуил же вопреки ожиданию ведьмы был коротышкой, с лицом, целиком состоящим из лба, из-под которого выглядывала только пара кроличьих глазок и бантик красных губ. Тем не менее его спутницей оказалась яркая блондинка с лягушачьим ртом от уха до уха и грудью, способной заменить вымя двух коров-рекордсменов. Стол был сервирован на четверых – похоже, вторая пара еще не появилась.

Валентина прищурилась, щелкнула пальцами – и в ресторан ворвалось множество мужчин с автоматами.

– Не двигаться!!! Не двигаться, пристрелим на месте! – заорали они так, что у телохранителей заложило уши. – Даже не дышать, сразу дырку между глаз заработаете!

Под прицелами направленных в лоб автоматов, по два на каждого, охранники замерли в тех позах, в каких оказались застигнуты. Ведьма же спокойно пересекла зал, опустилась в кресло перед смотрящим:

– Узнаешь меня, Самуил? – Она взяла откупоренное вино, налила в бокал перед собой.

– А должен? – невозмутимо ответил тот.

– Меня зовут Валентина. – Девушка сделала пару глотков. – Я та самая спиритка, к которой ты вчера послал вышибал.

– Помню, помню. – Коротышка смотрел не на нее, а на своего телохранителя, замершего, почти засунув под пиджак руку. По лицу бугая катились две крупные капельки пота. – На вас, Валентина, поступили жалобы. Экстрасенсорика, колдовство, гадание, общение с умершими – это очень доходный бизнес. Люди, которые портят его нездоровой конкуренцией, должны быть готовы к неприятностям.

– Обычно неприятности случаются у тех, кто лезет ко мне, Самуил. – Валентина отпила еще немного.

– Да, я уже слышал, – кивнул коротышка. – Трое бойцов разбились в аварии. Двое насмерть.

– Уже трое, – поправила его ведьма. Улыбнулась и сделала еще глоток.

– Скажите, а мои охранники так и останутся парализованными или у них есть шанс на выздоровление?

Валентина щелкнула пальцами. Тотчас все пятеро телохранителей выхватили пистолеты, вскочили, закутились:

– Где они?! Куда делись?

Милая невинная девушка за столом их шефа интереса у бойцов пока не вызвала.

– Они видели что-то, чего не видел остальной зал? – откинулся в кресле Самуил.

– Ты догадлив, – похвалила собеседника девушка.

– В моей профессии тот, кто медленно соображает, долго не живет.

– Тогда очень советую усвоить...

– Стоп, Валентина! – вскинул палец коротышка. – Вот этого вам говорить категорически не нужно.

– Ты думаешь, что знаешь, что я хочу сказать?

– Разумеется, знаю, Валя, – спокойно кивнул мужчина. – Вы посоветуете мне не соваться в ваши дела, иначе у меня появятся проблемы. Мне, дабы не потерять авторитет, придется вам отказать, а возникшие от вас угрозы купировать. И принять встречные меры. Вы в ответ начнете доставлять мне новые сложности, и мне придется платить прокуратуре, докторам или снайперам, чтобы они меня от вас избавили. Как все молодые горячие люди, Валентина, вы собираетесь угрожать мне войной, – вздохнул коротышка. – А война, уж поверьте старому и многоопытному человеку, это весьма опасное, очень дорогое и крайне нудное занятие. Поэтому во благо нас обоих сперва выслушайте меня. Только что вы произвели великолепную презентацию своих возможностей. Я восхищен! Никогда в жизни не видел ничего подобного. Нейтрализовать трех бойцов, всего за сутки выйти на меня, выключить всю охрану, войти в близкий контакт. Очень впечатляющая работа. Так зачем же подобный успех превращать в неприятности? Разве не разумнее сделать его прибыльным предприятием? Валентина, давайте встретимся с вами послезавтра и обсудим все детали сотрудничества.

– Почему вы думаете, что я стану с вами сотрудничать, Самуил? – покрутила в руках бокал девушка.

– Пока не знаю, – развел руками коротышка. – Деньги, известность, власть, комфорт, документы, свобода, безопасность... У каждого свои интересы. Мы обязательно договоримся, Валентина. Достаточно только захотеть. Чего вы ждете? Разве не видите, у дамы опустел бокал!

Последние слова относились к официанту. Тот спохватился, взял бутылку, наполнил девушке фужер.

– Надеюсь, Валентина, двух дней вам хватит, дабы решить, что именно вы хотите получить в обмен на свое уникальное мастерство? – сложил пальцы на груди Самуил.

– Какое мастерство? – не поняла ведьма.

– Искусство доставлять проблемы, – уважительно склонил голову коротышка. – Крайне востребованный в наше время талант.

– Я подумую, – кивнула девушка.

– Послезавтра утром я лично вам позвоню, – пообещал Самуил. – К сожалению, здесь, в ресторане, меня ждет деловая встреча. Однако мне было бы приятно считать вас своей гостьей. Если вы спуститесь в бар и там расслабитесь в меру своих вкусов и желаний, я попрошу записать все ваши расходы на мой счет. Вы не станете возражать против подобной вольности?

– Впервые в жизни меня выставляют за дверь с этакой галантностью. – Валентина допила вино и поднялась.

– Прошу прощения, график, – виновато развел руками коротышка.

– Я понимаю, Самуил, – кивнула девушка. – До встречи.

На первом этаже она уселась на банкетку перед стойкой, пробежала взглядом полки, щелкнула пальцами:

– Юноша! А налейте-ка мне фужер самого дорого вина!

– Вы уверены? – уточнил бармен.

– У меня прорезалась бездонная кредитная линия, дружище! – засмеялась ведьма. – Доставим папику удовольствие. Наливай!

Бармен исчез, вернулся с пыльной бутылкой. Продемонстрировал ее бока и этикетку, откупорил, налил. Девушка сделала несколько глотков, вся скривилась:

– Это же уксус!

– Вы просили самое дорогое, а не самое вкусное, – парировал молодой человек.

– Ладно, уел, – беззлобно согласилась ведьма. – Теперь неси вкусняшку.

Через минуту она получила порцию красного вина, отпила и поморщилась:

– Бормотуха!

– Вы знаток «бормотух»? – с серьезным лицом спросил бармен. – Не желаете сравнить данный букет Лозанны с португальским портвейном марки «Тейлорз»?

Валентина многозначительно потерла пальцами.

– Немерено! – с готовностью подтвердил молодой человек.

– Тогда тащи!

После четвертой дегустации рядом с девушкой возник Дмитрий.

– После вашего ухода, госпожа, Самуил кому-то позвонил и просил пробить вас по всем каналам. К завтрашнему вечеру хочет знать всю подноготную.

– Это хорошо, – решила Валентина. – Раз готовится к встрече, значит, собирается говорить, а не подсылать киллера. За это нужно выпить. Что у нас там дальше по графику?

Пискнул смартфон. Девушка достала его, глянула на экран и надолго задумалась, пытаясь разгадать эсэмэску из одного слова:

«Где?»

Только через пару минут Валя сообразила, что этот ответ относится к ее еще утреннему сообщению. А когда поняла, тут же нажала на вызов:

– Гена, забери меня из ресторана «Парадиз». Денег не надо, тут все оплачено. Просто найди «мотор». Гена, черт, как же я рада тебя слышать! Гена, я так по тебе соскучилась! Приезжай за мною, хорошо? Я жду...

* * *

– Вот, черт! – поднявшись в постели, Валентина со злобой швырнула подушку в стену. Она опять ничего не помнила! Только утренние ласки сквозь полудрему и прощальный поцелуй.

– Все, завязываю! С сегодняшнего дня больше ни глотка!

Ведьма подтянула ноги, села. Повернула голову влево.

На подоконнике стояли две бутылки кваса и лежала коробка из-под пиццы.

– Значит, Гена вчера остался трезвым, – сделала вывод Валя. – Надеюсь, ему со мною было хорошо. Наверняка делал все, что только мог пожелать!

Она швырнула вторую подушку вслед за первой. Сжала кулаки, постучала ими себе по коленям:

– Все, зарок, зарок, зарок! Сегодня больше ни глотка! И вообще – из дома ни ногой!

Валя решительно выкатилась из кровати, побежала в душ. Освежившись, натянула чистые трусики, новенький красный топик, джинсы. Подошла к окну, толкнула створки, впуская свежий воздух. И вдруг увидела среди ветвей самого настоящего сокола! Птица размером чуть ли не со страуса сидела в березовой кроне и смотрела прямо на нее, в самые зрачки.

Голова Валентины закружилась, тело наполнилось невесомостью. Она словно провалилась сквозь пол и падала, падала, падала в некую бездну – пока вдруг не очнулась лежащей в гряде соломы под бревенчатой стеной небольшого помещения.

Мир заколдованного кречета

«Чертов Самуил! Все-таки обманул! – сообразила ведьма. – Ну, я тебе сейчас устрою!»
Она напряглась, призывая к себе сразу всех мертвецов, всех призраков, все души, о которых знала и помнила, и просто всех, кто мог услышать призыв хозяйки усопших и...

...И на ее призыв никто не откликнулся!

Вообще – никто, ни одно создание.

«Как?! Почему?! Этого не может быть!!!» – Валею овладело состояние, близкое к панике. В ее жизни еще никогда не случалось такого, чтобы где-то рядом, поблизости, не болталось хотя бы несколько потусторонних существ. Ведьма привыкла к ним, как к свету, шуму, воздуху. И вдруг – никого!

В голове замельтешили ужасные мысли, одна безумнее другой. Что Самуил сговорился с Геней, что траванул ее каким-то газом, подлил или вколол какой-то наркотик или лекарство, блокирующее ее колдовские способности...

Однако частица разума, примостившаяся в дальнем уголке сознания, скептически отметала эти идеи одну за другой. С Геней она познакомилась раньше, чем с коротышкой, да и не мог студент ничего сделать, давно в институте штаны протирает. Лекарств против колдовства наука, в ведьм не верящая, отродясь не изобретала. Для наркотиков она слишком бодро сообщает, а подпускать ей газики... Слишком сложно для реального мира. В реальном мире газом людей никто не травит. В реальном мире бьют сзади по голове и закидывают в багажник...

Внезапно краем уха Валя услышала что-то важное о происходящем, насторожилась.

– Провел я тут бурную ночь с парой сладких нимфеток, – рассказывал кто-то в углу. – Возможно, оказался немного грубоват. Секунду назад одна из них сказала, что лучше бы мне оказаться в Средневековье. Хлоп, и вот я уже здесь.

Ведьма сразу вспыхнула:

– Очередной бред! Я не знаю никаких нимфеток! Что я, по-вашему, лесбиянка?! – ругнулась она.

– И я не знаю, – подтвердила соседка.

Только теперь ведьма обратила внимание, что сидит в бревенчатой камере отнюдь не одна. Вместе с ней не могли понять происходящего еще четверо молодых людей: девочка-припевочка, жутко похожая на киношную «сестрицу Аленушку» и вдобавок наряженную в дебильное деревенское платье; гопник, откровенно уголовного вида, весь в коже и замше, и пара хорошо сложенных студентов-ботаников, сияющих несмываемой печатью интеллекта на бледных лицах. Хотя... Хотя один из студентов вел себя на удивление спокойно, деловито прощупывая бревна.

– Мальчики... – негромко окликнула товарищей по несчастью ведьма и указала на умника пальцем: – Этот малыш явно что-то знает.

– Эй, братан! – тут же проявил инициативу гопник. – Ты ничего не хочешь нам рассказать?

– Разве только очень кратко, – оторвался студент от своей работы. – Вы в Москве, это девятый век до нашей эры, вас вызвали из будущего славянские боги, вы прямые потомки великого Сварога и носите наиболее полный его генотип из всех прочих представителей гаплогруппы «I».

Ведьма тяжело вздохнула. Кознями Самуила тут даже и не пахло. Тут проглядывал серьезный университетский психоз. Интересно, чей?

Теперь Валентина жалела, что не оказалась жертвой коротышки. Разобраться с уголовником было бы несложно. Но вот во что она влипла здесь?

Ведьма снова напряглась, созывая мертвые души – и опять на ее призыв никто не откликнулся. То есть абсолютно.

– Что за бредятина? – пробормотала она. – Здесь что, обитают бессмертные?

А ботаник нес какую-то чушь про богов, славян и дьяковскую культуру.

– Сам-то ты откуда все это знаешь? – перебила нудного лектора девушка.

– Это потому, Валентина, что меня к данному переносу сквозь века готовили всю жизнь, – пожал плечами парень. – Я воспитан братством солнценосной Купавы именно ради сего часа. Попасть в прошлое, найти и убить колдуна, угрожающего судьбе вселенной, или хотя бы разорвать его связь с будущим. Ради этого меня с самой колыбели учили сражаться, ворожить и чародействовать.

– Откуда ты знаешь мое имя?! – насторожившись, ведьма нервно потерла шею.

– Мы же в прошлом, разве вы забыли? – покачал головой паренек. – Ваши имена и ваши судьбы сохранены в летописи братства. Викентий по прозвищу Один, Матвей-кузнец и Светатравница, – по очереди указал он пальцем на остальных молодых людей. – Самое забавное в сложившейся ситуации то, что прочитанные мною в босоногом детстве записи о вас и ваших приключениях оставлю именно я. Смешно, правда?

– Самого-то как звать? – поинтересовался гопник.

– Степан Золотарев к вашим услугам, – с улыбкой поклонился паренек.

– И какого хрена мы тут делаем, Степа?

– Как бы это объяснить попроще, – вскинув руки, пошевелил пальцами Золотарев. – Вы знаете, что такое рецессивные гены?

– В школе, слава богу, учились, – сказала Валентина, решив показать, что тоже не дурочка. – А что?

– А вот что... – Парень хлопнул в ладони, в его руках оказался длинный сверкающий меч, каковой он стремительно вогнал ведьме в грудь.

Валя завизжала от предчувствия жуткой боли.

Но боль не пришла. А Степан хлопнул в ладони снова – и клинок исчез так же внезапно, как появился.

– Ты debil?! – торопливо ощупала себя девушка. – Я чуть не обделалась!

– Извини, но я должен был доказать вам, что колдовство существует.

– Я это и так знаю, даун! – Валя оттянула ворот, заглянула себе под футболку. – Я ведьма, я умею видеть мертвых, высасывать души живых, вызывать призраков, развеивать демонов и еще целую кучу всякой подобной фигни.

Степан перевел взгляд на вторую девушку.

– Я умею лечить, снимать порчу, снимать обет безбрачия, избавлять от бесплодия, – призналась та.

– А ты, Миша? – чуть повернул голову Золотарев.

– Студент-технолог из «Машиностроительного», – ответил второй студент.

– А я всего лишь мальчик-курьер, – приветливо помахал рукой гопник.

– Не важно. Если вы носите гены богов, то не могли этого не заметить, – покачал головой Степан. – Вы наверняка никогда не болели, вы всегда были быстрее, сильнее, выносливее своих товарищей, вам везло, вы предчувствовали неприятности, а ваши травмы зарастали с такой скоростью, словно вы вампиры из голливудской саги. Правильно?

Вот это было уже интересно! Валентина впервые в жизни услышала хоть какое-то внятное объяснение своим редкостным колдовским способностям и наострила уши.

Однако дальше... Дальше студент, как, впрочем, и полагается ботанику, понес маловразумительную чушь про хромосомы, мутации и теорию естественного отбора.

Несколько минут он заговаривал всем зубы – а потом вдруг сделал шаг назад и исчез в стене!

– Вот сука! – кинулся вперед гопник, уперся ладонями в бревна, ударил по ним кулаком. – Вот гаденыш! Сбежал!

Он повернулся к девушкам:

– Вы же вроде бы ведьмы, милашки? Так давайте, доставайте свою магию! Открывайте дорогу!

Девочка-припевочка, к удивлению Вали, храбро направилась к стене и... Стена дрогнула, словно растворяясь в горячем мареве, молодые люди увидели перед собой связанную из сосновых жердей дверь.

Ведьма открыла было рот, чтобы похвалить тихоню-колдунью – однако тут створка распахнулась и в камеру заглянул тощий паренек. Рыжий, большеглазый и лопухий, одетый в вестерновском стиле: замшевая куртка чуть ниже бедер, украшенная нашитой поперек груди бахромой, и такие же штаны, на которых бахрома шла по наружному шву. Опоясывал парнишку ремень с золотыми клепками, увешанный ножнами, чехлами и подсумками. И все это – отделанное слоновой костью и украшенное драгоценными камнями в золотой оправе.

Валя клацнула зубами, поднимая отвисшую челюсть, – на поясе пацана висело не меньше двух миллионов рублей.

– Рад вас приветствовать у нас в гостях, дети... – Мальчишка окинул молодых людей с немалым интересом. – Надеюсь, добрались вы сюда в целости и полном здравии.

– Какие мы тебе дети, шенок?! – оскалился гопник. – На себя посмотри!

– Мне недавно уж пять веков исполнилось, – беззлобно ответил паренек. – Вы же еще и не родились вовсе. Посему годами рядиться не стоит. Я с детства Трояном наречен, богом пространства и времени почитаюсь. Это я для вас проход чрез века и версты прокладывал. Вижу, сокол Волоса выбрал сварожичей молодых и сильных. Значит, все получилось в точности, как было замыслено.

– Если мы в далеком прошлом, Троян, то почему так хорошо понимаем твою речь? – поинтересовалась девочка-припевочка.

– Вы же боги, – недоуменно пожал плечами паренек и посторонился: – Следуйте за мной, сварожичи. Великая Макошь, богиня силы и богатства, храбрый Перун, бог грозы и справедливости, и Квасур-медовик желают узреть желанных потомков!

Вслед за всеми ведьма выбралась из бревенчатого помещения. Остановилась, глядя по сторонам.

Она находилась на узком помосте, у верхнего края частокола из толстенных бревен. Внизу открывался деревенский двор с поросятами, кипами сена и камыша, с одетыми в уродливые кожаные балахоны бабами. Мужики разгружали лосей, дети молотили палками сухую траву. А по сторонам, насколько хватало глаз, открывались луга, огороды, заросли ивняка, лесные кроны вдалеке. И нигде – ни одного столба, ни одной вышки ЛЭП или сотовой связи, никаких дорог, кроме пыльной узкой грунтовки, ни даже банального, вездесущего мусора из алюминиевых банок, пластиковых бутылок или полиэтиленовых пакетов, никаких летящих по ветру обрывков рекламных буклетиков, кусков газет или хотя бы жалкого раздавленного окурка. Ничего! Ни единого привычного признака человеческой жизни.

Наверное, только в этот миг Валентина и поняла, насколько крепко и необратимо влипла в неведомые колдовские неприятности. Ибо здесь магией пропитывались все разговоры, события и поступки.

«Вот ведь нашла, блин горелый, друзей по способностям!!!»

Душа ведьмы наполнилась жуткой, нестерпимой тоской: ну почему, за что?! Именно сейчас, когда в ее жизни впервые появился парень, с которым хотелось встречаться на трезвую голову, когда наметились связи с серьезными людьми и надежда на нормальные доходы, когда все стало потихоньку поворачиваться в лучшую сторону – именно сейчас она оказалась в какой-то непостижимой, невероятной заднице!

Пробравшись по мосткам и лестницам, молодые люди спустились вниз, остановились перед грубо сляпанным из жердей и расколотых вдоль бревен возвышением. На нем, созерцая гостей сверху вниз, стояли представители здешней знати. В первую очередь в глаза бросалась крупная фигуристая дамочка в замшевом платье, украшенном золотыми пластинами, расшитом жемчугом, с полосами собольего меха на плечах и в некоем подобии короны, венчающей волосы. Все вместе одеяние тянуло, по Валиной прикидке, миллионов на пять, если не больше. Можно считать, красotka носила на себе неплохой спортивный «Ягуар».

Рядом с ней стоял рыжебородый мужчина лет сорока на вид, малорослый, но невероятно широкоплечий, с крупной грудью. Упакованный в кожу, никаких украшений, кроме топорика за поясом, он не носил.

– Наши гости приветствуют тебя, великая Макошь! – почтительно поклонился Троян. Молодые люди тоже склонили головы.

– Их же должно быть пятеро, Троян? – удивилась женщина.

– Возможно, сокол больше никого не нашел? – зачесал голову мальчишка. – В каждом поколении детей становится все меньше. До эпохи наших гостей прошло тридцать веков.

– Это так? – окинула взглядом гостей богиня.

– Пятый сбежал, – с ходу заложил товарища второй студент.

– Смог одолеть мои заклинания? – Макошь не столько рассердилась, сколько обрадовалась: – Хороший признак. Есть надежда, что в наших потомках сохранилась сила.

– Так это ты притащила нас сюда, ведьма?! – сообразила Валя и полыхнула яростью. – Что за дурацкие шутки?!

– Назови свое имя, несчастная! – зло зашипела Макошь и спустилась ближе к ней.

– Меня зовут Валентиной! – растолкав товарищей по несчастью, ведьма вышла вперед. – И поменьше гонора, Макошь! Или я подниму против тебя всех мертвецов твоего дома!

– Вряд ли Мара позволит тебе подобную наглость! – Лицо женщины перекошилось. – И раз уж ты так любишь смерть, то, пожалуй, стоит отдать тебя ей на воспитание.

– Не сердись, великая богиня! – Девочка-припевочка попыталась оттереть Валю назад. – Мы напуганы и не знаем, куда попали? Зачем, почему? Сделай милость, просвети, чего ты от нас желаешь? И позволь представиться: меня зовут Светлана.

– Какое благонаравие, – здешняя богачка заговорила спокойнее. – Твой дар прекрасен, дитя света. О своей судьбе можешь не беспокоиться. В моем доме ты станешь желанной гостьей. И ты права, не стану томить вас неизвестностью. В наших землях завелся враг, справиться с которым нам не удастся. Мы надеемся одолеть его с вашей помощью.

– Дайте мне меч и покажите этого несчастного! – вострепнулся гопник.

– Он оборотень, дитя, – перевела взгляд на парня богиня.

– Тогда с вас меч и пиво, – пожал плечами молодой человек.

– Он создал целую армию оборотней!

– Меч, пиво, жратва и комнату, где можно отоспаться. – Гопник даже глазом не моргнул.

– Мне нравится этот парень, сестра! – расхохотался до того молчавший крепыш, сбежал по ступеням, встал перед гостем. – Отдай его мне!

Валентина поняла, что парень невероятно глуп. Он явно не понимал, во что вляпался, и теперь ведет себя, как на уличной стрелке с такими же тупыми быками.

– А когда мы справимся с оборотнями, вы вернете нас домой? – Студент оказался умнее.

– Вы же боги, вы бессмертны, – опять пожала плечами женщина. – Вам достаточно подождать сто поколений.

– Вот это попали! – невольно вырвалось у Вали. – Я к тому времени и Гену, и Самуила насмерть позабуду!

– Я полагаю, брат, не стоит сразу разлучать наших гостей, – пропустила ее слова мимо ушей Макошь. – Наш мир им незнаком, и им нужна взаимная поддержка. Прости, но я приму

их у себя. Приму со всем уважением. Каждый получит светелку, постель, место за столом, одежду и красивую, ласковую, заботливую жену.

– Зачем? – аж попятился гопник и мотнул головой. – Нет, не надо!

– Ты не хочешь иметь женщину? – удивилась здешняя хозяйка.

– Воин должен быть голодным и одиноким! – отчеканил парень. – Если у бойца дома жена и дети по лавкам сидят, он будет думать не о победе, а о том, как скорее к ним вернуться. Если воин рискует оставить вдову и сирот, он перестает искать битвы и начинает бояться смерти! Не-ет, богиня, такой подарок мне ни к чему. Дай мне меч, пиво и покажи врага. Все остальное можешь оставить себе.

– Оп-па... – тихо пробормотала Валя. – А мальчик не так прост, как кажется.

И уже в полный голос спросила:

– Значит, парням жены полагаются? А как насчет мужей для нас?

– Вы же не захотите принадлежать смертным? – в этот раз хозяйка снизошла до того, чтобы ее услышать. – А найти же равного вам и не имеющего супругу бога отнюдь не просто. Мне таковые просто неизвестны...

– Раньше как-то обходились, – буркнула Валя, но ее громко перебила девочка-припевочка:

– Ничего страшного, прекрасная богиня, мы не спешим. Ведь у нас впереди вечность.

– Умница... – Женщина провела по ее щеке кончиками пальцев. – Я чувствую, ты тоже принесешь мне удачу.

– Подлиза, – выдохнула Валя.

Хозяйка тем временем позвала всех в дом, и волей-неволей девушка потащила следом.

Комната внутри оказалась убогой хибарой без окон, выстеленной грязными потертыми коврами, с каким-то сукном на стенах. Сарай сараем. Женщина направилась к черному полированному овалу у стены, а дальше...

Дальше случилось то, отчего у ведьмы, повелительницы призраков, перехватило в изумлении дыхание.

Хозяйка вошла в камень!

Вошла, как в дверь, бесследно исчезнув внутри, причем прихватив с собой девочку-припевочку и студента.

– Ты зря гневись богиню, павушка, – сказал оставшийся с ведьмой мальчишка. – Она достаточно сильна, чтобы изгнать в небытие даже сварожича.

– Как ты меня назвал? – переспросила Валентина.

– Павушка... Юная пава.

– Это самка павлина, что ли? – Настроение девушки от увиденного чуда ничуть не улучшилось, и она не преминула подпортить оное и излишне распушившему перья пареньку.

– Тебя провести во дворец Макоши или остаешься? – теперь уже сухим тоном спросил мальчик.

– Не-не-не, только не здесь! – мотнула головой ведьма. – Авось хоть дальше станет чуточку веселее. Тащи в стекло.

– Я не так силен, как богиня богатства, – сказал мальчик. – Прижмись плотнее, иначе тебя отрежет.

– Могу прыгнуть на ручки.

– Это излишне. – Моложавый бог времени и пространства обнял Валентину за талию и увлек в полированный овал.

Помещение по другую сторону портала оказалось еще теснее обители московского градоначальника. Однако, когда Троян отпустил талию девушки и за руку провел ее через две двери – они очутились в просторном зале с узкими матовыми окнами и одиноким креслом

на возвышении. Белый пол из плотно сбитых досок, обитые бордовой тканью стены, ровный потолок...

Здесь было уже не так тоскливо, как в конуре перед зеркалом!

Однако женщина и молодые люди уже направлялись дальше, и Валентине пришлось перейти на бег, дабы нагнать остальную компанию.

– Полагаю, вы притомились с дороги, – наконец остановилась хозяйка и указала на открытую дверь. – Я велела накрыть для вас стол. Пока кушаете, вострухи приготовят вам опочивальни...

Девочка-припевочка что-то тихо ответила, гопник вступил в разговор – и они сцепились с женщиной языками, явно надолго. Поэтому Валя чуть отодвинула молодого человека и первой прошла в просторную горницу со стенами из струганых бревен, дощатым полом и широко распахнутым окном.

Из окна повеяло свежестью, там пели птицы, шелестела листва, синело небо. Но для оставшейся без завтрака ведьмы куда приятнее оказался кисловатый аромат соленых грибов и моченых яблок в глубоких деревянных мисках, запах жареной рыбы и сочный отблеск жира на лежащих горкой кусках тушеного мяса.

– Однако хозяйка нас уважает, – громко заметил гопник, притворяя за собою дверь. – Не в людскую отправила, а отдельно угощает! Хороший знак.

Он двумя пальцами выхватил из миски кусок влажного от соуса мяса, отправил в рот:

– Чего смотрите? Налетайте, официантов не будет.

– Я вижу, тебе тут нравится, Викентий? – поинтересовался студент.

– Зарекаться не стану, Матвей, – мотнул головой тот. – Но есть ощущение, что я попал в рай!

– А я в ад, – вздохнул студент и осторожно, двумя пальцами, поднял с низкого широкого блюда толстого глазастого судака.

Валентина, утолив первый голод, взяла свисающий с борта деревянной бадейки ковшик, зачерпнула из емкости мутную жидкость, пригубила... Почмокала – и допила до конца.

– Похоже, что квас. Чуть кисловатый, но вкусный, – сказала она. – Хоть что-то приятное за день.

– Что, малышка, жизнь налаживается? – улыбнулся ей высокий и плечистый, кровь с молоком, Викентий.

– Добровольно помирать не собираюсь, – мрачно ответила ведьма. – Им придется меня убить.

– Оптимизм бьет ключом! – расхохотался гопник. – Света, бери пример.

Девушка с каштановыми волосами вздохнула и потянулась за яблоком.

– Может, это все-таки сон? – понадеялся студент, постепенно управляясь с рыбиной. – Не хотелось бы остаться без диплома.

– Не бойсь, парень! – подмигнул ему Викентий. – Богиня же объяснила: достаточно подождать три тысячи лет, и ты сможешь спокойно пересдать все хвосты. А пока есть время пожить в свое удовольствие. Мы в прошлом, счастливики! Такой шанс развлечься выпадает одному из миллиарда!

– Даже если это не сон, – тихо ответил студент, – путешествия во времени невозможны. Ни вперед, ни назад.

– Ничего сложного, – врезалась в их разговор Валентина и высказала первую из пришедших в голову идей: – Мы можем погрузиться в летаргию. Глубокую, как сон. И проснуться через оговоренное время. Мы же со Светой ведьмы. Если верить Макоши, то не просто колдуньи, а настоящие родовитые богини. Я и вовсе со смертью на «ты». Мы сможем придумать нужные для этого заклинания. Правда, подруга?

– Вы как знаете, девочки, – покачал головой Викентий, – но я свою тушку друзьям археологам не доверю.

– При чем тут археологи? – не поняла девушка.

– Так ведь выкопают, на кусочки разделают и по музейным витринам разложат! Я этих архаровцев хорошо знаю!

– Нужно сделать крепкий и глубокий склеп, – попыталась защитить свое предложение Валя. – Такой, чтобы никто не нашел и не добрался. Чтобы за тридцать веков даже не осыпался!

Ведьме невероятно, до жути, хотелось отсюда выбраться. Желательно вернуться сразу к моменту исчезновения, к Гене и Самуилу. Ради этого она была готова даже временно умереть. Валя уже очень давно не видела в смерти ничего страшного и была готова рискнуть. Здесь умереть, в свое время – воскреснуть. Если нужно выждать три тысячи лет, простым сном все равно не отделаешься. Нужно умирать.

– Не сочти за намек, Валенька, но кое-кто ради сохранения своей тушки на века даже пирамиды строил. – Викентий заговорщицки подмигнул: – Рассказать, чем закончилось?

– Пещеры они тоже рыли, – вдруг вспомнил Матвей. – Рамзеса, например, в пещере откопали.

– Лежащего в крепком и глубоком склепе! – вскинул палец гопник. – Мудрые мысли буквально носятся в воздухе... Фараоны тоже, наверное, хотели сегодня умереть, а через тридцать веков воскреснуть. Да фигня полная, никакая не проблема! Разве всего за несколько тысячелетий с телом может хоть что-нибудь случиться?

Внезапно дверь отворилась, на пороге появился крепкий старик в доспехах, громко спросил:

– Это вы молодые боги? Оборотни осадили Сарвож!

– Веди! – У гопника глаза загорелись восторгом. – Подробности по дороге.

Мнением остальных ни он, ни старик не заинтересовались. Просто увлекли за собой.

– Прости, друг, забыл представиться, – уже возле зеркала спохватился Викентий. – Меня зовут Один.

– Я Похвист, хозяин ветров, – поклонился старик.

– И еще я забыл сказать, что мы не умеем пользоваться этим порталом, – указал на зеркало гопник.

– Чего тут сложного? – пожал плечами седобородый бог. – Представляете место, где нужно очутиться по ту сторону, и входите в зеркало.

– Но мы не знаем, куда должны попасть!

– Да, – после короткого колебания согласился Похвист. – О сем я не помыслил. Ладно, я направлю вас в крепость сам. Подходите по одному.

И старик, не мудрствуя лукаво, просто побросал всех в зеркало. Причем не особо напрягаясь, словно мелко поколотые поленья. А затем прошел сам.

За полированным овалом опять обнаружился сарай, причем еще более убогий, чем в прошлый раз, заставленный корзинами и заваленный мешками, пахнущий тинной и крапивой. Молодые люди выбрались из него наружу – и оказались на задрипанном деревенском подворье.

– И это крепость? – В этот раз Валя даже не пыталась изобразить презрение. Она удивлялась совершенно искренне. Двор, имеющий размер примерно в два садовых надела, по шесть соток каждый, огораживал частокол в полтора роста высотой, да длинная изба с плоской крышей, что одновременно служила и крепостной стеной.

Гопник со стариком сразу рванули наверх.

Валя сперва прошла вниз – но ничего интересного не нашла. Только хворост, сено, пустующие загоны да вяленая рыба, развешанная под навесом. А когда, нагулявшись, девушка поднялась наверх – то застала Викентия, прыгающего наружу с воплем:

– Во славу Одина!!!

– Вот, черт! – все прильнули к ограждающим стену зубцам.

Гопник кинулся бежать через огород, бодро перепрыгивая грядки, через луг. От леска вдалеке отделились двое человечков, принялись стрелять из луков. Однако Викентий, прикрываясь щитом, даже не замедлил шага, неожиданно метнул копье, сбив одного, налетел на второго...

Валентина неожиданно для себя ощутила в животе знакомое щемящее чувство, предвещающее близкую смерть, по коже побежали колкие мурашки, душа предательски заныла, тело задрожало от знакомого сладкого наваждения... Однако лезть в драку ради краткого мига наркотического кайфа от чьей-то прерванной жизни ведьма не собиралась. Ей, конечно, чувство смерти нравилось – но не до такой же степени, чтобы собственной башкой рисковать!

Гопник, похоже, думал иначе. Он крутился, отбиваясь уже от нескольких врагов, раскидывал каких-то зверей, бил, колол, пинал – восторженно хохоча при этом и крича оскорбления. Воины на стенах наблюдали за всем этим со смешанным чувством ужаса и восторга.

– Это Один, бог войны! – неожиданно промолвил старик. – Он не жалеет себя ради нас и вместо нас. Неужели мы бросим его одного?

– Поможем богу, славяне! – тут же отозвался один из воинов. – Вышибем клыки лесовикам-оборотням! С нами Один!

– Один, Один! – отозвались остальные мужчины, шустро скатились вниз по лестнице и через какой-то боковой ход выскочили наружу, кинулись через поле. Седовласый Похвист был с ними и мчался в драку самым первым.

– Однако крепкие тут старички... – восхитилась Валентина, провожая его взглядом и с трудом сдерживаясь, чтобы не ринуться следом. Ее мутило, ее бросало то в жар, то в холод, ее тряс озноб. Но это странное смешение чувств почему-то казалось не болезненным, а сладостным. Какое-то щемящее наваждение пыталось вырвать ее из плоти, и ведьма с трудом сдерживалась, чтобы не дать воли накатившему безумию.

Вот только оказаться среди мелькающих топориков, стремительных стрел и разящих копий ей и не хватало!

Однако даже отсюда, со стены, через луг и огород ведьма ощущала вспышки смерти, расставание тел со своей жизненной силой, прерывание нитей судьбы. Появление душ погибших. Валентина звала их, тянула к себе, пыталась удержать. Но... Но...

Пустота.

Призраки обманули ее. Они не послушались, они удалились куда-то по своим собственным хлопотам, оставив властительницу мертвых в бессилии скрежетать зубами.

– Да что за черт?! Почему они не приходят? – Ведьме в пору было биться головой о стену. – Что с ними не так? Или со мной?!

Схватка угасла, и вскоре торжествующие славяне вернулись в Сарвож с победой и добычей, во всю глотку восхваляя храброго, непобедимого Одина. Валентина осталась на стене в одиночестве, с трудом сдерживая слезы.

Сегодня ее лишили парня, лишили будущего, лишили своего мира и лишили дара, с которым она выросла и обрела уверенность в себе. Без своих мертвецов ведьма ощущала себя так, словно у нее отрубили сразу обе руки. Никчемной, безнадежной калеккой.

Ведьма тосковала – а день продолжался своим чередом. Славяне восхвалили великого Одина, потом частью вернулись на стены, а частью занялись делами. Ближе к вечеру гостей позвали к ужину, и Валентина подкрепилась копченым судачком, а потом вместе со всеми отправилась на ночлег.

«Вместе со всеми» – это в прямом смысле. С началом сумерек все обитатели селения собрались в центральной части избы-стены, выстеленной шкурами и частично засыпанной охапками сена, в центре запалили костер, после чего стали устраиваться спать прямо там, кто где находился, без всякого разделения на женские и мужские половины, без семейных загоро-

док, без старших и младших – в общем, полный коммунизм. Поблажку имели только дети – их собрали всех вместе, и охапки сена предназначались именно для них.

Впрочем, ночь прошла достаточно комфортно. От постоянно горящего очага расходилось тепло, подстилка оказалась мягкой, и до самого рассвета приставать к госте никто из смертных не посмел.

А утром выяснилось, что оборотни ушли. Пока Валентина продирала глаза, война закончилась. Викентий победил.

Похвист собрал пришельцев из будущего, перекидал их в зеркало, и молодые люди снова оказались в сумрачном зале, пахнущем дымом и свежепиленным деревом.

Так и не разобравшись толком в столь быстрых переменах событий, окружающих и мест нахождения, ведьма смотрела на стоящих рядом молодых людей сонным взглядом и никак не могла отделаться от ощущения, что все происходящее – это всего лишь яркий предутренний бред измученного похмельем мозга.

Еще и над коленом кто-то щиплется – не иначе Гена целует...

– Валя-богиня, Валя-богиня!

Девушка опустила взгляд и обнаружила возле ног девочку лет пяти, но... С совершенно старушечьим лицом! Малышка с двумя седыми косичками, в короткой замшевой куртке и просторной юбке, отороченной понизу меховой полоской, еще раз требовательно подергала ведьму за брючину:

– Валя-богиня, пойдем опочивальню твою покажу!

– Пошли... – неуверенно согласилась девушка, сообразив, что безумный сон все еще продолжается.

Малышка тут же исчезла и возникла снова в нескольких шагах далее. Валентина направилась следом. Крохотная старушка опять пропала и снова возникла в новом месте.

Так они миновали коридор, поднялись наверх, на третий этаж, вошли в дверь – и тут провожатая исчезла.

– Это че, моя комната?! – Девушку пробило на настоящую эмоцию. – Да вы охренели?!

Она находилась в жердяной выгородке размером от силы три на три метра. Свет падал сюда из щели под потолком, тесовый пол покрывала мелкая щетина, словно его долго-долго чем-то вычесывали. Из удобств имелся небольшой закуток с сеном, накрытым несколькими шкурами неведомых зверей, да большая ивовая корзина в углу.

– Карцер, – сделала лаконичный вывод Валентина. – Хотя нет, вру! В карцере хотя бы сортир отдельный имеется! А это просто глухая задница! Обитель богов, едрит-мадрит! Если это обитель богов, то какой же должна быть здешняя тюрьма? Не-е-ет, нужно выбираться отсюда! Выбираться как можно скорее!

Она вышла за дверь, оказавшись в совершеннейшей темноте, покрутила головой, от души ругнулась:

– Да хрен моржовый мне под мышку, есть тут кто-нибудь?!

– Чего кричишь, Валя? – из соседней камеры выглянула девочка-припевочка. И у нее, оказывается, имелась глиняная масляная лампа! Светильник не ахти, не ярче экрана смартфона, но хоть что-то вокруг все же различить можно.

– Нужник ишу!

– Воструху спроси.

– Кого?! – не поняла ведьма.

– Хранителей дома... – Светлана запнулась, а потом хлопнула в ладоши. Рядом тут же появилась маленькая старушка. – Воструха, сделай милость, укажи Вале-богине, где тут отхожее место.

– Иди за мной! – Малышка тут же исчезла и появилась снова возле лестницы.

– Дворец властителей мира с удобствами на дворе, – буркнула ведьма себе под нос и поспешила следом.

С друзьями по несчастью Валентина увиделась примерно через полчаса, когда воструха привела ее на обед. Кивнула студенту и девочке-припевочке, с ходу притянула к себе блюдо с копчеными лещами, принялась разделявать самую крупную рыбину, на ходу рассказывая:

– Чего у здешних туземцев не отнять, так это чистоплотности. Я думала, мыть руки после туалета они еще не догадались. Ан нет, бадья с водой висит, и миска с грязью какой-то жирной. Руки потер, ведро наклонил, сполоснул. Цивилизация! Уровень лопуха под кустом славяне уже преодолели.

– Если тебя выбрал сокол Волоса, Валя, значит, эти люди твои предки. Как же у тебя язык поворачивается так о них говорить? – попыталась пристыдить ее девочка-припевочка.

– А ты, Светик, смотрю, с местными уже спелась? – Ведьма сунула в рот кусок с рыбьими ребрами, зубами стянула с них мясо. – С Макошью «вась-вась», вострух вызываешь, обычаи защищаешь, в карцере удобствами обзавелась?

– В каком карцере? – не поняла «припевочка».

– Да в конуре наверху! – подняла палец Валентина. – В тюрьме в такие только убийц перед расстрелом суют, чтобы жизнь медом не казалась.

– Ты хоть знаешь, что в этом мире большинство смертных не имеют не то что такой «конуры», но даже места для сна? – опять стала укорять ее Светлана. – Спят, где свободный угол найдется, живут, как повезет, а из имущества токмо тем владеют, что на теле да на поясе имеется?

– Но я не смертная, – качнулась к ней ведьма. – И мне противен этот клоповник!

Дверь резко распахнулась, в комнату стремительно ворвался Викентий, с ходу отправил в рот кусок мяса, черпнул капусты, громко спросил:

– Чего такие хмурые, славяне? Опять жратва недосолена?

– Хибары наши больше на конуру собачью похожи, – ответила ему Валя. – Четыре стены и ящик с сеном. Это что, жизнь?!

– Телевизора не хватает? – усмехнулся Викентий, жадно сметая снедь со стола. – Так здесь все боевики можно в формате «четыре дэ» смотреть, с полным эффектом присутствия. Так натурально, что, когда в лоб дают, искры из глаз сыплются!

– Смотри, чтобы тебе лоб насквозь не проломили этой «натуральностью»!

– А ты чего, собираешься жить вечно? – Гопник, похоже, пребывал в полном восторге от приключения. – Пей, дерись, люби! И пребудет с тобой счастье!

Он зачерпнул ковшом кваса, проглотил, отер запястьем рот, наклонился к смотрящей в стол Валентине, откинул ей голову и вдруг крепко поцеловал в губы.

– Ты сбрендил?! – Валя вlepила ему пощечину быстрее, чем успела этого пожелать. Потом захотела всерьез и замахнулась снова: – Дебил!

Однако в этот раз гопник отбил:

– Одной оплеухи достаточно. Намек понял, больше приставать не буду.

И «великий Один» невозмутимо продолжил трапезу.

– Вы как хотите, а я буду строить склеп! – зло выдохнула Валентина и выскочила из комнаты.

Наверх, в темный тесный карцер, она не пошла – спустилась на крыльцо, сбегала во двор, промчалась мимо кланяющихся аборигенов, вышла в распахнутые ворота, остановилась на берегу широкой полноводной реки, между двумя причалами из тяжелого прочного полутеса – расколотых вдоль половинок бревен. Вдохнула полной грудью влажный воздух, пахнувший тиной, дегтем и смолой. Опустила веки и чуть развела руки, прислушиваясь, призывая... Но...

– Бл...дь! – кратко подвела итог своим стараниям ведьма. – Интересно, хотя бы кладбища тут у горожан имеются?

Она поворотилась спиной к реке, лицом к городу. Наверное, селение размером с маленький квартал, обнесенное бревенчатой стеной высотой с трехэтажный дом и с красочными домами внутри – разноцветными, украшенными шатрами и луковками, – все же можно было назвать настоящим городом, а не деревенским двором... Хотя жил он все-таки явно по-деревенски. Люди, суетящиеся, как в муравейнике, носили через ворота охапки камыша и кипы сена, плетенные из лозы корзины, возили на лосях жерди и бревна, тяжелые мешки из трюмов стоящих у причалов деревянных кораблей, а крепкие бабы в длинных просторных платьях величаво следовали к реке с коромыслами на плечах.

– За водой... – пробормотала Валентина. – Три тысячи лет до появления водопровода! Охреть, куда я влетела! Похоже, они даже колеса еще не изобрели! Ни одной телеги вокруг...

Мысли ведьмы снова вернулись к возвращению домой, в двадцать первый век. Она по-прежнему была уверена, что сможет остановить жизнь, а потом вернуть ее снова, превратить тридцать веков в стремительное мгновение сна.

Со смертью Валя обращаться умела. Но вот тело... Надежно спрятать тело на несколько тысячелетий и вправду казалось совершенно неразрешимой задачей.

Самая простая идея – выкопать яму поглубже, обложить камнями, чтобы не обвалилась, да и залечь в вековой сон – разбивалась воспоминаниями о том, что где-то здесь уже через десять-пятнадцать веков начнут рыть каналы, еще веков через десять начнут строить водохранилища, целые рукотворные моря! Город будет расти и перестраиваться, в нем станут рыть рывы, колодцы и канализацию, прокладывать метро и сооружать подземные паркинги...

Гопник прав: перспектива очнуться в запаснике музея археологии, мелко разделанной на пробы для анализа возраста и содержимого, или проснуться под водой на глубине нескольких метров – для спрятанной от людей мумии более чем реальна, как склеп ни закапывай и как его ни укрепляй. Дождаться будущего, оставаясь во плоти, пожалуй, более безопасно.

Вот только ожидание в три тысячи лет... К двадцать первому веку и Гену, и Самуила она, скорее всего, позабудет начисто.

Валентина снова выругалась себе под нос и не спеша вошла обратно в город.

Аборигены работали: чистили сеном шкуры лосей и кололи длинные, девушке по пояс, чурбаки, отсыпали ямы песком, крепили калитку к сарайке, месили глину, шлифовали доски – суетились, перекрикивались, хохотали над шутками, даже не подозревая, в каком убожестве пребывают. Ни Интернета, ни музыки, ни тракторов, ни машин, ни даже электричества! Все вручную, все на своем горбу, все в тесноте, поту и грязи.

Особенно своей странностью бросались в глаза женщины. Все они носили сверкающие височные кольца, свисающие с опоясывающих лоб плетеных полосок. Кольца были серебряными, перламутровыми, янтарными, нефритовыми и малахитовыми, из резной кости и даже деревянные с какими-то рунами, размером от пятирублевой полоски и до десертного блюдца. А вот серьги и кольца Валя ни у кого не заметила. Хотя, возможно, скромные украшения терялись на фоне главного сокровища. Ведь сережки или перстенок размером с блюдце не сделаешь.

В мире здешних славян гостя из будущего ощущала еще какую-то странность. В нем не хватало чего-то мелкого, малозаметного, но настолько привычного, что Валентина сжилась с этим, пропуская мимо сознания. И только увидев, как одноногий старик с пышной седой шевелюрой и такой же густой, похожей на облако бородой, деловито вырезает ковшик, выбирая черпак овальной кремневой пластиной, она сообразила:

– Железо!

Вокруг нигде не имелось ничего железного – никаких инструментов, никаких приспособлений или просто вещей. Двери вместо петель ставились на торчащие с краю створки подпятники, ножи были из каменных пластин, вклеенных в деревянные или роговые рукояти, каменными были долота ложкорезов и скребки плотников. Бадьи на коромыслах висели не на

железных дугах, а на веревках, а их дощатые бока стягивали не железные кольца, а полоски широкой кожи. Вместо рубанков бочкари пользовались досками с наклеенным на них белым крупнозернистым песком – этакими огромными напильниками, – топоры и молотки у многих мастеров были из гранита. Бревна же плотники раскалывали и вовсе деревянными клиньями.

И все это славян ни капельки не смущало! Работали так, словно все в порядке, словно так все и должно быть.

Даже стража на воротах стояла, грозно держа копья с обсидиановыми наконечниками, а вместо мечей у них на поясах висели палицы с навершием из крупных окатанных речных гольшей.

– Едрит-мадрит! – выдохнула Валентина. – Я в неолите!

Пустышка

На завтрак Викентий не пришел, и трапеза прошла на удивление тихо. Валя продолжала мысленно искать лазейку в будущее и в собеседниках не нуждалась. Ее сотоварищи тоже пребывали погруженными в собственные мысли.

– Матвей, не пропадай никуда сегодня, – закончив завтракать первой, поднялась из-за стола Света. – Великая Макошь ближе к полудню девушек придет, жену себе выберешь.

– Да я вроде никуда и не собирался... – обсасывая птичьи косточки, ответил молодой человек. И лишь через несколько мгновений, когда девочка-припевочка уже выходила из комнаты, сообразил, о чем ему сообщили: – Стой! Какую еще жену?!

– Викентий отказался, ты нет, – чуть задержалась в дверях Светлана. – Посему богиня Вологды подготовила все для твоей свадьбы.

– Но я просто промолчал! – растерялся Матвей, однако створка уже закрылась.

– Молчание знак согласия! – заржала ведьма над столь лихим поворотом сюжета. – Ну, студент, ты и попал! Теперь не отвертись. Не то богиня Макошь обидится и превратит тебя в жабу. Сказку про Василису Премудрую помнишь? Она будет про тебя!

– Чтоб его! – Парень растерянно плюхнулся обратно на лавку и потянулся за еще одним окорочком дичи.

– У тебя даже аппетит не пропал? – разочаровалась Валя.

– Предлагаешь совершить побег? – вскинул брови Матвей.

– Тюха ты матюха, – вздохнула ведьма. – Бежать оно, понятно, некуда. Но мог бы и поскандальить! Мужик ты или нет?

– Сперва нужно осмотреть невест, – на удивление рационально отозвался студент, запил угощение квасом и поднялся. – Пойду к реке, умоюсь. Ты не знаешь, тут мыло есть?

– Если ты намерен прихорошиться, то есть отличный натуральный скраб. Речной песок называется, – засмеялась Валентина. – Не убегай, я с тобой! Не хочу упустить подобного зрелища!

Делать все равно было нечего, так что ведьма сходила вместе со студентом к реке, где они отошли от города и искупались по разные стороны от зарослей бузины, выросшей перед небольшим, заросшим ряской затончиком. А когда вернулись, Света уже дожидалась молодых людей на крыльце:

– Где вы ходите? Все невесты уже здесь!

– Охреть, подруга! – Ведьма окинула девочку-припевочку недоуменным взглядом. – Ты что, окончательно в каменный век погрузилась? Будешь теперь тоже в шурах ходить?

Избавившись от прежнего сатинового платья и переодевшись по местному обычаю, Светлана преобразилась до неузнаваемости. Теперь ее облачало длинное, до пят, одеяние из очень тонкой и мягкой бежевой замши, довольно плотно облегающей тело выше пояса. По талии, вокруг шеи и на запястьях шли полоски белоснежного песцового меха, на груди рассыпью пришиты костяные шарики – словно бы красавица попала под град и ледяные крупинки намертво прилипли к костюму, а вот сразу под воротом и по краю манжет сверкали самые настоящие жемчужины. Наряд завершали жемчужные серьги и заколка в волосах, тоже украшенная жемчужной рассыпью.

– Придется, Валюша, – милостиво улыбнулась ей Светлана. – Всесильная Макошь опасается, что наряд мой прежний сильно непривычен для смертных, да и ноги голые легкомыслием отдают. Трудно властность проявлять, коли подобно дитю малому наряжаешься.

– Ты уже даже говоришь, как твоя Всесильная! – скривилась ведьма. – Подлизываешься?

– Помогаю, – мягко парировала девушка и протянула руку студенту: – Пойдем, Матвей. Суженые твои уж извелись в тронном зале.

Валентина приглашения не получила, однако увязалась следом, благо не гнали; вслед за сотоварищами прошла через дворец Макоши, шагнула в главное помещение божественной обители и еле сдержалась, чтобы не присвистнуть: в палатах было тесно от набившихся сюда красоток! Их собралось не меньше трех сотен – стройных и толстеньких, высоких и низких, русых, блондинок и черноволосых, белокожих и смуглых... Правительница Вологды подошла к вопросу на совесть – ее гость получил такой выбор, о котором не мог и мечтать!

– Встаньте плечом к плечу, девочки, – распорядилась Светлана. – В толпе бог Матвей не сможет всех вас рассмотреть. Нужно, чтобы он мог пройти между рядами.

Невесты зашевелились, выполняя приказ.

– А где сама Макошь? – спросила подругу ведьма.

– Занята, – лаконично ответила Света.

– И ты тут теперь за главную?

– Вы куда-то исчезли, а Всемогущая ждать не могла, – пожала плечами девушка. – У хозяйки славянских земель много хлопот. Она попросила меня решить этот вопрос самой.

– Божий прихвостень и подлиза... – негромко оценила старательность Светланы ведьма.

– Великая Макошь не справляется со всем одна, – невозмутимо ответила девушка. – Разве плохо помочь ей в насущных делах?

Тем временем невесты выполнили волю Макошиной помощницы. Правда, встали не рядами, как предполагалось, а в неровную длинную спираль. Однако Света ничего менять не стала и просто сделала Матвеем приглашающий жест. Студент нервно пригладил подбородок и вошел в лабиринт из юных славянских дев.

– Света, а разводы в этом мире разрешаются? – шепотом спросила Валя.

– Не спрашивала, – пожала плечами прислужница Макоши. – Наверное, нет. Но если ты беспокоишься за Матвея... Он ведь бессмертен. Переживет эту жену, выберет другую... – помолчала, словно задумалась, мотнула головой: – Ты можешь в это поверить, Валя? Мы все бессмертны! Мы боги! Сказал бы мне кто подобное в будущем, я бы в лицо рассмеялась!

– А почему ты думаешь, что люди тоже не бессмертны? – остудила ее восторги ведьма. – Я, например, ни разу не слышала о человеке, который бы умер своей смертью. Все мрут либо по болезни, либо от насилия. Вот попала бы ты по пьяни под «Камаз» – и триндец твоей уникальности. Или рыбку «фугу» в ресторане неудачно бы съела.

– Ну, не знаю... – неуверенно пробормотала Светлана.

– А ты поверь, подруга, на слово. С отрубленной головой даже твоя Макошь долго не протянет. И старая добрая белена свалит хоть Кощея Бессмертного, хоть даже двух.

– Хочешь сказать, мы такие же, как все? Все вокруг бессмертные, но просто не догадываются?

– Бессмертны все, – согласилась ведьма. – Только мы намного более живучие. И чтобы отравить тебя, подруга, нужен не маленький кусочек фугу, как для истинного самурая, а минимум полторы порции.

– Откуда ты знаешь? – засомневалась Света, пропустив мимо ушей личные наезды.

– А ты видела, подруга, как нашего Викентия лешие рубили, а оборотни на куски рвали? Ах да, ты отвернулась от страха! – ухмыльнулась Валя. – Так вот, обычного парня убили бы на первой минуте. А он продержался все пятнадцать. Однако еще немного... Прямой в сердце или ножом по горлу – и наш великий Один стал бы трупом. Я это уже чувствовала, знала. Богу войны просто повезло. Вовремя отбили.

– Ты предчувствуешь смерть? – напрыглась помощница Макоши.

– Минут за пять-десять, – прикинула Валя. – Это и есть мое ведьмино проклятие. А какое твое?

– Я дарю любовь.

– Да, подруга, – вздохнула Валентина. – Похоже, мы из разных муравейников.

– Да... – после долгой паузы согласилась Света. – Из разных.

Тем временем Матвей завершил свое путешествие по лабиринту очарования и вышел к подругам. Покачал головой:

– Даже не знаю... Их слишком много. Мне, наверное, половина из них нравится.

– Я знаю, что нужно сделать! – вскинула палец ведьма. – Нужно сыграть в «третий лишний». Сперва укажи тех, кто точно не нравится. Мы их спровадим, а потом мы дадим тебе десять белых роз, и ты выберешь из оставшихся самых крутых. Этим мы возьмем в тщательную разработку, отсеем имеющих скрытые недостатки...

Светлана, не дослушав, подступила к молодому человеку, прошептала что-то ему на ухо и легонько толкнула обратно в лабиринт. Наступила тишина, нарушаемая лишь слабым шорохом редких шагов. Прошло, наверное, с четверть часа, когда редкие шаги сменились частыми, лабиринт рассыпался. Матвей, расталкивая ряды, вышел к богиням и выставил перед собой девушку:

– Ее выбираю! Что дальше?

По тронной палате прокатился вздох разочарования. Валентина в отчаянии положила руку себе на лоб:

– Ну, дура-ак! Света, он сошел с ума! Нужно полить его холодной водой и переиграть весь раунд!

Избранница студента оказалась сильно не стройняшкой, невысокой ростом, густо-густо рыжей и вдобавок – конопатой! И всех достоинств – так только широкие бедра, внушительный бюст и огромные, чуть ли не вполлица, пронзительно-синие глаза.

– Как тебя зовут, красавица? – спросила помощница Макоши.

– Заряна, светлая богиня, – склонила голову конопушка.

– Опупеть! Она уже «светлая богиня»! – развела руками ведьма, но спохватилась, шелкнула пальцами, вытянула палец. – Ты посмотри на нее, Света! Рыжая бестия! Натурально колдунья! Она нашего студента наверняка приворожила!

– Здесь все под защитой оберегов и наговоров великой богини и ее супруга, – степенно ответила Светлана. – В Вологде чужим чарам силы нет. Но если ты полагаешь...

Она наложила правую ладонь на лоб Матвею, левую сложила в кулак, поцеловала ноготь, чуть склонила голову, неразборчиво зашептала:

– ...черным углом, окладным бревном ... поставь забор булатный ... ведуна-ведуницы, черница и черницы...

Валентина, никогда в жизни и нигде не учившаяся магии, выросшая от начала и до конца самоучкой, насторожила уши – однако ничего, кроме отдельных слов, разобрать не смогла.

Светлана сняла ладонь, чуть стукнула ею жертву по лбу, спросила:

– А что теперь скажешь, добрый молодец? Согласен ли ты взять в жены сию красавицу, смертную деву Заряну?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.